

НЕВЕСТА-МОНАХИНЯ

СЕВЕРНОГО ВОЛКА

ОЧАГ НА ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ

АНДРЕЙ ГРАЧЁВ

Андрей Грачёв

**Невеста-монахиня Северного
Волка: Очаг на Чужой Земле**

«Литнет»

2026

Грачёв А.

Невеста-монахиня Северного Волка: Очаг на Чужой Земле /
А. Грачёв — «Литнет», 2026

Хальвард отдал всё, чтобы я стала свободной, но теперь, когда ему предлагают землю, власть и дружину, я должна решить: смогу ли построить очаг рядом с Северным Волком — и не позволить ему стать тем, кто снова решает чужие судьбы силой. Я больше не пленница. Не добыча. Не женщина, которую можно купить серебром или удержать благодарностью. Но на чужой северной земле свободу нужно доказывать каждый день. Люди Хальварда ждут от него власти. Враги — слабости. Дом — хозяйки. А от меня хотят одного: чтобы я не мешала Волку стать тем, кем ему суждено быть. Только я знаю: дом нельзя построить на страхе. И если Северный Волк забудет это, я первой скажу ему «нет». Даже если люблю.

Содержание

Глава 1. Весть о мёртвом ярле	5
Глава 2. Земля без хозяина	18
Глава 3. Не называй защиту властью	31
Глава 4. Сын ярла	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Глава 1. Весть о мёртвом ярле

Первую книгу читать здесь: <https://litnet.com/shrt/PVK9>
Весна на северном берегу начиналась не с тепла, а с работы.

Снег уже ушёл с нижних склонов, но в тени у камней ещё лежали грязные серые островки, крепкие, как упрямство стариков. Земля под ногами стала мягкой, чёрной, жадной до воды, и каждый шаг во дворе дома Сигмунда оставлял след, который к вечеру заполнялся мутной влагой. Ветер с моря по-прежнему резал лицо, но в нём появилась иная резкость: не зимняя, мёртвая, а живая, пахнувшая мокрой травой, солью, дымом, козьей шерстью и будущими хлопотами. Ингрид говорила, что это худшее время года, потому что зимой хотя бы ясно, что всё плохо, а весной люди начинают надеяться и потому делают глупости. Рагни отвечал, что Ингрид не любит весну только потому, что не может приказать ей наступать ровнее. Ингрид на это велела ему чинить загон, а не рассуждать о том, что сильнее его разума.

Адель всё ещё не привыкла к тому, что такие перебранки могут быть признаком мира.

Когда-то шум чужого северного дома казался ей непрерывной угрозой: слишком много незнакомых голосов, слишком резкие движения, слишком громкий смех, слишком открытые ножи у поясов. Теперь она различала в этом шуме оттенки. Если Ингрид ругалась с работниками на одной ноте, значит, всё шло обычным порядком. Если голос её становился ниже, дом притихал: тогда дело было серьёзным. Если Рагни кашлял у очага перед тем, как что-то сказать, значит, готовился спорить с Хальвардом и заранее наслаждался собственной правотой. Если Бьёрн слишком часто выходил за водой к дальней бочке, значит, думал не о воде, а о дороге к христианской общине, где жила Элоиза. Если Мартен начинал говорить быстро, значит, что-то скрывал — обычно не преступление, а разбитую миску, забытый котёл или попытку снова спорить с Асгейром о том, сколько воды можно пить человеку, который «почти совсем здоров».

Адель училась жить среди этих признаков, как раньше училась узнавать жар по взгляду больного.

Её место в доме тоже стало заметным не сразу, но теперь оно было. Небольшая кладовая, которую когда-то выделили для больных, превратилась в лекарский угол: на балках сохли связки трав, на полке стояли глиняные чашки, свёртки чистой ткани лежали отдельно от грубой шерсти, а Мартен, гордясь доверенной ему властью, никому не позволял брать ножи и иглы без спроса. Даже северные женщины, которые сначала смотрели на франкскую лекарку как на странную дорогую беду, теперь приходили к ней с ожогами, кашлем, опухшими руками после работы, детским жаром и вопросами, которые задавали так, будто им просто любопытно, хотя на самом деле давно ждали ответа. Адель не стала своей. Это слово было слишком тяжёлым и преждевременным. Но она перестала быть временной тенью у чужого очага.

В тот день она перебирала высушенные корни у низкого стола возле открытой двери кладовой. Свет падал сбоку, холодный и ровный, и на ладонях было видно каждую мелкую трещинку от воды, соли и травяного сока. Мартен сидел напротив и пытался повторить северные названия растений, которые Ингрид велела запомнить, потому что «если мальчишка хочет быть полезным, пусть перестанет звать всё зелёное травой». Он произносил слова криво, северные женщины смеялись, а он злился и от этого путался ещё больше. Адель сама знала эти названия не идеально, но уже умела отличить растение, которым здесь лечили скотину, от похожего, способного вызвать дурную боль в животе. Северная земля всё ещё испытывала её, и она отвечала терпением.

— Нет, — сказала Адель, забирая у Мартена пучок узких листьев. — Это не туда. Эти отдельно. Для людей — осторожно, для коз — чаще.

— Почему козам можно чаще? — спросил Мартен, хмурясь.

— Потому что козы, в отличие от тебя, не спорят с лекаркой словами.

— Они спорят рогами, — возразил мальчик.

— И потому иногда выглядят мудрее.

Мартен открыл рот, чтобы ответить, но во дворе раздался крик. Не испуганный, но резкий. Потом второй. Лошадь фыркнула, поскользнулась на мокрой земле у ворот, кто-то выругался на северном языке. Дом Сигмунда среагировал мгновенно: женщины подняли головы, один из работников бросил вязанку дров, Бьёрн, стоявший у загона, схватился за нож, хотя, по мнению Адель, нож редко помогал от людей, приехавших верхом и явно заранее ожидаемых дорогой. Ингрид вышла из главного зала с таким лицом, будто весь двор уже виноват в том, что к воротам привезли новую трудность.

Адель отложила корни.

К дому подъехали трое всадников.

Их кони были в пене и грязи, плащи забрызганы, лица усталые, потемневшие от ветра. Они не выглядели разбойниками и не держались как торговцы. Первый, широкоплечий мужчина с перевязанной левой кистью, спешился тяжело, почти падая на одну ногу, и сразу посмотрел не на Ингрид, не на двор, не на женщин, а к дальнему сараю, где Хальвард с Рагни и двумя работниками чинил сломанный участок забора. Вторым всадником был моложе, с рыжей бородой и глазами человека, слишком долго не спавшего. Третий, почти мальчишка, держался за седло так крепко, будто если отпустит, земля под ним качнётся, как палуба.

Хальвард вышел к ним прежде, чем они успели назвать себя.

Он не торопился, но двор всё равно расступился. В этом движении дома Адель всякий раз видела то, что сам Хальвард будто не хотел замечать: люди уже смотрели на него не только как на удачливого воина, вернувшегося с похода, и не только как на безумца, отдавшего почти всё серебро за свободу франкской женщины. Они смотрели, чтобы понять, есть ли в происходящем опасность и кто назовёт ей имя. Хальвард ещё не был хозяином новой земли, не ярлом, не вождем в полном смысле, но вокруг него уже собиралась та тишина, которая появляется рядом с человеком, способным принять удар первым.

Адель увидела, как Ингрид тоже это заметила.

Лицо вдовы не изменилось, но рука на связке ключей у пояса сжалась сильнее.

— Хальвард Ульв, — сказал первый всадник.

Он произнёс прозвище не насмешливо и не фамильярно. Так называют человека, чьё имя уже ходит дальше его двора.

— Говори, Торлейв, — ответил Хальвард.

Значит, он знал этого человека. Или помнил. В северном мире это часто было почти одно и то же.

Всадник оглянулся на двор. Его взгляд скользнул по Ингрид, по Рагни, по людям, по Адель у дверей кладовой. На мгновение задержался на её кресте. Адель уже привыкла к таким задержкам. Они не всегда означали враждебность. Иногда — просто попытку понять, как чужой знак оказался в середине северного дома и почему никто не требует снять его.

— Это слово не для одного уха, — сказал Торлейв.

Хальвард кивнул.

— Тогда говори для многих.

Ингрид двинулась ближе к очаговому входу, но не вошла внутрь. Женщины, наоборот, перестали притворяться, будто заняты работой. Бьёрн подошёл к Мартену, тот к Адель. Рагни встал рядом с Хальвардом чуть сбоку, так, чтобы видеть руки всадников. Весна вдруг стала холоднее.

— Хакон мёртв, — сказал Торлейв.

На дворе не закричали. Северяне редко кричали при первой вести о смерти человека власти. Сначала тишина взвешивала, сколько крови может вытечь из одного имени. Потом уже

начинались слова, сборы, споры и похороны тех, кто погибнет следом. Адель услышала только, как где-то за домом заблеяла коза и как Ингрид медленно выдохнула.

Хальвард не сразу ответил.

— Как?

— Ночью. Говорят — сердце. Другие говорят — кубок. Третьи — рука младшего сына была слишком близко к кубку, а рука старшего слишком далеко от меча. Я не знаю. Знаю только, что Хакон лежит на доске, а его сыновья уже делят людей, которые ещё не успели оплакать хозяина.

Рагни тихо выругался.

Ингрид сказала:

— Сердце стариков редко выбирает удобный день.

Никто не улыбнулся.

Хальвард смотрел на Торлейва.

— Эймунд?

— В большом доме. Кричит о праве старшего. Считает сундуки, зовёт тех, кто ел за столом его отца, и обещает сохранить прежний порядок, хотя не может заставить собственных людей не грызться у ворот. Он слаб, Хальвард. Или ещё хуже — хочет казаться сильным и потому слушает тех, кто толкает его к глупости.

— Кетиль? — спросил Рагни.

При этом имени двор будто стал плотнее.

Адель уже слышала его. Кетиль Хаконссон, младший сын умершего ярла. Человек, о котором говорили то с презрением, то с осторожностью, но никогда спокойно. Хакон при жизни держал сыновей рядом, как держат двух злых собак на разных цепях: старшему отдавал видимость будущей власти, младшему — поручения, где нужна была жестокая рука. Теперь цепи, видимо, упали одновременно.

— Кетиль ушёл из большого дома до рассвета, — сказал Торлейв. — С людьми, которым платил не только Хакон. Забрал часть скота, оружие из нижнего склада, трёх заложников из рода жены Эймунда и двух кузнецов. Говорит, что старший брат продаст землю трусам и христианам, а он удержит берег железом.

Его взгляд снова скользнул к Адель. Не обвиняюще, скорее как к знаку того самого страха, который уже начали использовать мужчины в чужих спорах.

Хальвард заметил.

— Продолжай.

— На границе владений Хакона есть старая высота над заливом. Ты знаешь её.

— Знаю.

— Там три двора, рыбный причал, малая сторожевая башня, пастбище и дорога к внутренним хуторам. Хакон держал там людей, но после зимы оставил только старого Хрольва с пятью копыями. Теперь Эймунд зовёт всех к большому дому и велит высоте ждать решения. Кетиль послал туда своих. Говорят, чтобы люди открыли ворота и признали его, пока старший брат не привёл чужих союзников. Хрольв прислал нас.

— Ко мне? — спросил Хальвард.

— Да.

В этом коротком ответе было больше, чем просьба о помощи.

Ингрид шагнула вперёд.

— Почему к нему? — спросила она резко. — У Хакона есть сыновья. У сыновей есть род. У рода есть люди. Пусть они грызутся за своё мясо сами.

Торлейв повернулся к ней с уважением. Он явно знал Ингрид, а если не знал лично, то уже успел понять, что в доме Сигмунда её вопросы нельзя отмахивать как женские.

— Потому что пока сыновья грызутся, землю съедают другие. Потому что Хрольв стар, а пять копий — это не стена. Потому что люди на высоте помнят Сигмунда и помнят, кто не брал с них лишнего, когда голодный год сделал всех жадными. Потому что Хальвард вернулся из похода с именем. И потому что... — он запнулся.

— Договаривай, — сказал Хальвард.

Торлейв посмотрел ему прямо в лицо.

— Потому что человек, который отдал серебро за свободу женщины, может, не станет сразу продавать чужих детей ради своей доли.

Тишина стала уже другой.

Адель почувствовала, как на неё снова посмотрели. Не все, но достаточно. Старый тинг, серебро на камнях, Хальвард, говорящий: «Я плачу не чтобы ты осталась». Для одних это всё ещё было безумием. Для других, оказывается, стало знаком. Она не знала, радоваться этому или бояться. Поступок, совершённый ради её свободы, теперь превращался в политическое имя Хальварда. Люди начинали видеть в нём не только воина, но и человека, который платит за слово. Это могло привести к добру. Или к новой войне.

Ингрид поняла то же самое быстрее многих.

— Серебро ушло, — сказала она холодно. — Имя осталось. Вот только именем зимой кашу не сварить.

— Иногда именем собирают тех, кто потом приносит зерно, — ответил Торлейв.

— Или тех, кто его съест.

— Да.

Он не спорил с ней пусто, и это, кажется, Ингрид оценила, хотя лицо её не стало мягче.

Хальвард молчал.

Адель смотрела на него и видела: эта весть ударила точно в то место, о котором они говорили у моря. Земля. Своя земля. Не просто дом Сигмунда, где он оставался сыном, братом, должником, человеком с пустым сундуком и трудным выбором. Своя высота. Люди, которые зовут. Дворы, которые можно защитить. Дорога, которую можно удержать. Возможность больше не ходить в чужие походы, не служить чужому вождю, не ждать, пока другой человек скажет, где должен стоять твой меч.

И вместе с тем — опасность стать тем самым человеком, чьё слово решает чужую жизнь.

Он когда-то рассказывал ей об отце. О Сигмунде, свободном земледельце, которого местный вождь увёл в поход, потому что ему нужны были люди. О мальчике, которому принесли домой только нож. О ненависти к чужой воле. О страхе цепей. А теперь к Хальварду пришли люди и сказали: возьми землю, пока её не взял другой. Защити нас. Реши за нас. Стань сильной рукой.

Адель поняла, что новая книга их жизни началась до того, как они успели достроить первую.

— Сколько времени? — спросил Хальвард.

— День. Может, меньше. Кетиль не будет ждать. Если он войдёт на высоту первым, выбить его будет кровью. Если Эймунд придёт потом, он сожжёт то, что не сможет удержать, только чтобы младшему не досталось.

— Почему Хрольв не откроет Эймунду?

— Потому что Эймунд далеко и слаб. Потому что его люди уже забрали у двух дворов зерно «для защиты». Потому что если открыть одному брату, другой придёт ночью. Хрольв просит не клятвы, а глаз. Приди. Посмотри. Скажи, что делать. Если не захочешь брать дело — хотя бы скажи людям, куда бежать.

Рагни тихо сказал:

— Когда просят сначала посмотреть, чаще всего уже решили, что ты должен остаться.

Торлейв не отрицал.

Хальвард повернулся к дому.

Его взгляд нашёл Адель не сразу, но нашёл. На дворе было много людей, однако в этот миг она поняла, что он спрашивает её уже сейчас — не словами, нет, ещё не при всех, но тем самым новым способом, которому учился последние месяцы. Раньше он мог бы просто сказать Рагни седлать коней. Мог бы приказать людям собираться. Мог бы оставить её в доме с Ингрид и вернуться, когда решение будет принято мечом. Теперь его взгляд задержался на ней на мгновение, и в этом было не разрешение, не зависимость, не просьба благословить его желание. Вопрос: ты слышишь, что это значит?

Адель слышала.

И поэтому ей стало страшно.

Ингрид тоже уловила этот взгляд и резко сказала:

— Не смотри на неё так, будто франкская лекарка должна решить, идти тебе или нет. Это твоя земля, твои люди и твоя глупость, если решишь вмешаться.

Адель спокойно ответила:

— Он не просил меня решать за него.

— Пока, — отрезала Ингрид.

Хальвард поднял руку, останавливая спор раньше, чем он разгорелся.

— Я не решу во дворе, — сказал он. — Люди устали. Коней напоить. Руки Торлейва посмотреть. Потом в дом. Говорить у очага.

— У очага? — спросил Торлейв.

— Если слово касается дома, пусть дом слышит.

Рагни одобрительно хмыкнул. Ингрид не стала возражать, но взгляд её сказал, что если уж дом будет слышать, то дом и ответит, причём особенно громко её голосом.

Адель подошла к Торлейву, когда Бьёрн взял коней, а Мартен, забыв о травах, уже пытался рассмотреть перевязанную кисть всадника. Рана оказалась старой, но плохо обработанной: кожа у края покраснела, под повязкой пахло гноем и мокрой шерстью. Торлейв сначала хотел отмахнуться, но Адель посмотрела на него так, как смотрела на всех мужчин, считавших боль менее опасной, чем признание слабости.

— Сядь, — сказала она по-северному с сильным ударением.

Он удивился, но сел на скамью у стены.

— Ты говоришь нашим языком.

— Достаточно, чтобы ругать глупых больных.

Рагни, проходя мимо, довольно усмехнулся.

— Она быстро учит самое нужное.

Адель сняла повязку. Торлейв стиснул зубы, когда она промыла рану горячей водой. Мартен подал чистую ткань без напоминания. Ингрид, стоявшая неподалёку, смотрела внимательно, но не вмешивалась. Второй всадник рассказывал Бьёрну об обстановке у большого дома Хакона, третий ел хлеб так, будто боялся, что его отнимут. Двор понемногу возвращался к движению, но прежнего порядка уже не было. Весть лежала среди них, как меч на столе.

— Ты была та женщина? — спросил Торлейв вдруг.

Адель не подняла головы.

— Какая?

— За которую он заплатил.

Мартен замер.

Адель продолжила промывать рану.

— Я та женщина, которую он не купил.

Торлейв помолчал. Потом кивнул.

— Да. Так говорят некоторые.

— А другие?

— Другие говорят по-разному.

— Конечно.

Она наложила траву, закрыла рану тканью и затянула повязку туго, но не жестоко.

— Если хочешь сохранить руку, не снимай до утра. Если станет горячей и опухнет — покажешь мне. Если решишь, что воин выше гноя, потеряешь пальцы и станешь хуже держать повод.

Торлейв посмотрел на неё с неожиданным уважением.

— Ты говоришь как хозяйка.

— Нет. Как лекарка.

— В доме это почти одно.

Адель не ответила.

Но Ингрид, стоявшая у двери, услышала. И, кажется, не стала спорить.

К вечеру в длинном доме было тесно.

Обычно люди собирались у очага постепенно, каждый со своим делом: кто чинил ремень, кто точил нож, кто прял, кто ел, кто спорил о скоте или погоде. Сейчас почти все пришли раньше, чем Ингрид успела объявить, кому можно, а кому лучше заняться делом. Даже те, кто не имел права голоса в мужских решениях, хотели слышать. Смерть ярла редко оставалась делом только воинов. Если начиналась борьба наследников, горели не только щиты. Горели амбары, хлевы, мостки у пристани, дома вдов, постели детей, поля, которые некому жать. Женщины знали это не хуже мужчин.

Хальвард сел не на почётное место, а у бокового столба, где обычно чинил ремни или точил оружие. Но люди всё равно повернулись к нему. Это место стало центром само собой. Адель сидела ближе к лекарской кладовой, рядом с Мартеном и Изабо. Она не хотела занимать место рядом с Хальвардом в разговоре, который должен был начаться не с их связи, а с земли, людей и смерти Хакона. Но Ингрид, проходя мимо, вдруг поставила перед ней чашу с горячим отваром и сказала:

— Если будешь молчать весь вечер с умным лицом, хотя бы пей.

— Это забота?

— Это расчёт. Больная лекарка бесполезна.

— Тогда спасибо за расчёт.

Ингрид фыркнула и села ближе к очагу, откуда могла видеть всех.

Торлейв рассказал подробнее.

Старший сын Хакона, Эймунд, формально наследовал большой дом, но часть людей считала его слабым. Его жена происходила из рода, которому не доверяли местные. Его советники уже начали требовать припасы «для сохранения порядка». Младший, Кетиль, был опаснее: быстрый, жестокий, щедрый на обещания, умеющий говорить с молодыми воинами языком славы и добычи. Он мог не удержать всё наследство, но мог разорвать его так, что никто другой тоже не удержит. Старая сторожевая высота над заливом стояла между землями, рыбными местами и дорогой к внутренним дворам. Тот, кто возьмёт её, сможет контролировать переход и собирать плату с людей, которым деваться некуда.

— Почему Хакон держал её слабо? — спросила Ингрид.

Торлейв пожал плечом.

— Думал, сыновья не начнут грызться до его похорон. Или думал, что его имя и после смерти день-другой будет сильнее их жадности.

— Мужчины часто переоценивают жизнь своих приказов после собственной смерти, — сказала Ингрид.

Рагни довольно кивнул.

— Поэтому я говорю всё важное, пока жив.

— И слишком много неважного, — ответила Ингрид.

Несколько человек усмехнулись, но смех быстро стих.

Эйрик, сидевший у дальнего конца очага, спросил:

— Что Хрольв предлагает Хальварду? Слово? Долю? Землю? Или только чужую беду?

Торлейв повернулся к нему.

— Хрольв не может дать землю. Не его. Но люди на высоте могут сказать, кому будут платить за защиту, если дом Хакона распадётся. Они хотят, чтобы Хальвард пришёл и говорил с ними. Не как грабитель. Не как человек Эймунда. Не как человек Кетиля. Как Волк, который платит за слово.

Опять это.

Адель почувствовала, как внутри поднялось беспокойство. Поступок Хальварда на тинге превращали в знамя, а всякое знамя можно использовать не только для правды, но и для войны. «Волк, который платит за слово» — звучит почти красиво. Но человек, пришедший под красивым именем, всё равно может поставить копьё у ворот и сказать: теперь платите мне.

Хальвард молчал. Потом спросил:

— Если я приду и скажу людям: держитесь Эймунда?

— Некоторые послушают. Некоторые разбегутся. Кетиль всё равно придёт.

— Если скажу: держитесь Кетиля?

Торлейв посмотрел на него с недоверием, потом понял, что вопрос нужен не для выбора, а для меры.

— Тогда часть людей уйдёт ночью. Остальные будут жить тихо и бояться громко.

— Если скажу: уходите?

— Куда? — Торлейв развёл руками. — К Эймунду, который заберёт зерно? К Кетилю, который возьмёт сыновей в люди? В горы, где весной дети мрут быстрее овец? К морю, где каждый чужой корабль становится хозяином? Уход — тоже богатство, Хальвард. Не у всех оно есть.

Адель запомнила эту фразу.

Уход — тоже богатство.

Она знала это лучше многих.

Ингрид посмотрела на Хальварда.

— Если ты пойдёшь, за тобой попросят людей. Если возьмёшь людей, их надо кормить. Если встанешь на высоте, её надо чинить. Если скажешь, что защищаешь, у тебя спросят цену. Если назовёшь цену низкой, тебя съедят свои. Если высокой — возненавидят те, кто позвал. Если ударишь Кетиля, Эймунд испугается. Если не ударишь, Кетиль решит, что ты мягкий. Если вернёшься ни с чем, люди скажут, что Волк потерял зубы вместе с серебром.

— Ты умеешь делать путь красивым, — сказал Рагни.

— Я умею видеть грязь до того, как мужчины назовут её славой, — ответила Ингрид.

Хальвард впервые за вечер посмотрел на Адель прямо.

Теперь уже все заметили.

В доме стало слишком тихо. Адель поняла: если она промолчит, её молчание тоже станет ответом. Если скажет слишком много, люди решат, что Волк идёт по слову франкской женщины. Если скажет «не ходи», она станет той, кто удерживает его от его земли. Если скажет «иди», благословит путь, который может стать новой цепью для других. Свобода, о которой она так много говорила, снова раскрыла пасть ответственности.

— Я не решу за тебя, — сказала Адель.

Хальвард кивнул.

— Знаю.

— Но скажу, что вижу.

Ингрид пробормотала:

— Вот теперь будет много слов.

Адель не обернулась.

— Люди зовут тебя не только потому, что ты сильный. Сильных вокруг достаточно. Они зовут тебя потому, что думают: ты можешь быть сильным иначе. Возможно, они ошибаются. Возможно, хотят использовать твоё имя. Возможно, просто боятся Кетиля и Эймунда. Но если ты пойдёшь, не называй это сразу своей землёй.

В доме кто-то тихо шевельнулся.

Хальвард слушал.

— Сначала посмотри, — продолжила Адель. — Не только стены и скот. Людей. Чего они хотят? Чего боятся? Кому уже платили? Кого потеряли? Кого готовы слушать? Если ты придёшь и скажешь: я защищаю вас, потому теперь вы мои, — это будет старая песня. Только голос твой. Если придёшь и спросишь, какую защиту они готовы принять и какую цену считают честной, тогда, может быть, это будет начало чего-то другого.

Эйрик усмехнулся.

— Земля не держится на вопросах, франкская лекарка.

Адель повернулась к нему.

— Земля не держится и на одних мечях. Иначе могилы были бы лучшими домами.

Рагни кашлянул, скрывая смех. Эйрик нахмурился, но не ответил сразу.

— Вопросы хороши, пока другой человек не пришёл с огнём, — сказал он наконец.

— Тогда пусть у Хальварда будет меч, — ответила Адель. — Но пусть меч не станет первым словом там, где люди ещё могут говорить.

Хальвард опустил взгляд к своим рукам.

Ингрид смотрела на Адель иначе, чем утром. Не мягко. Никогда мягко. Но с вниманием человека, который видит: франкская женщина понимает хотя бы часть того, что стоит за словом «дом».

— А если люди скажут: хотим Волка? — спросила Ингрид.

Адель помолчала.

— Тогда Волк должен решить, хочет ли быть только волком.

Эти слова остались у очага дольше, чем дым.

Хальвард поднял глаза.

— Я поеду, — сказал он.

Никто не удивился. Все уже знали. Но теперь это было произнесено.

— Не брать высоту, — продолжил он. — Смотреть. Говорить. С Хрольвом. С людьми. С теми, кто хочет остаться. С теми, кто хочет уйти. Если Кетиль придёт с мечом — встретим. Если Эймунд пришлёт слово — слушаем. Пока не скажу: земля моя.

— А если они сами скажут? — спросил Торлейв.

Хальвард посмотрел на Адель, потом на Ингрид, Рагни, Эйрика, людей дома.

— Тогда спрошу, что они готовы дать за защиту и что я должен дать взамен.

Ингрид тяжело вздохнула.

— Значит, мне считать зерно для дороги.

— Да.

— Людей сколько?

Хальвард начал называть имена. Рагни, конечно, поедет. Эйрик после короткой паузы сказал, что тоже. Бьёрн поднялся раньше, чем его спросили. Ингрид велела ему сначала поставить ведро, потому что герой с мокрыми ногами выглядит глупее обычного. Несколько молодых воинов предложили себя, слишком громко, чтобы скрыть радость от возможной стычки. Хальвард отобрал не всех. В этом Адель увидела ещё одну перемену: прежний Волк взял бы быстрых и жадных до боя. Этот выбирал тех, кто сможет не только ударить, но и выстоять в долгом разговоре, где меч висит у пояса, но не всегда выходит первым.

— Адель останется в доме, — сказал Эйрик вдруг, не столько спрашивая, сколько проверяя.

Хальвард повернул к нему голову.

Адель ответила раньше:

— Адель сама скажет.

В доме снова стало тихо. Но теперь эта фраза уже не была вспышкой старого спора. Она была правилом, которое люди слышали не впервые.

Хальвард ждал.

Адель почувствовала, как сердце ударило сильнее. Она могла остаться. Разум говорил: дом нуждается в лекарке, Ингрид — в помощи, Элоиза — в связи с общиной, больные — в руках, а спорная высота — в мечях, не в женщине с крестом. Но другая правда поднималась рядом: если Хальвард едет туда, где решается, станет ли он защитником или новым хозяином чужой воли, ей нельзя делать вид, что это не её путь. Она не должна решать за него. Но может быть рядом, чтобы свидетельствовать, спрашивать, лечить и напоминать. Не за ним. Рядом.

— Я поеду, — сказала она.

Ингрид закрыла глаза.

— Конечно.

— Там будут раненные, — сказала Адель.

— Там будут грязь, чужие мужчины, Кетиль, наследники, весенняя лихорадка и глупость, — ответила Ингрид. — Раненные тоже будут, не сомневаюсь.

— Значит, нужна лекарка.

— Дому тоже нужна лекарка.

— Я вернусь.

Ингрид открыла глаза и посмотрела на неё.

— Все так говорят перед дорогой.

Адель вспомнила, как когда-то сказала это Хальварду перед боем у Парижа. Мир иногда возвращал слова, чтобы проверить, чему ты научился.

— Тогда скажу иначе, — произнесла Адель. — Я хочу вернуться. И сделаю всё, чтобы вернуться.

Ингрид приняла это с коротким кивком. Не согласие. Признание более честной формулировки.

Хальвард молчал, пока остальные начали говорить о конях, припасах, оружии и времени выхода. Только когда шум поднялся, он подошёл к Адель. Не близко. Достаточно, чтобы говорить тише, но не прятаться.

— Ты не должна ехать, — сказал он.

Она посмотрела на него.

— Это предупреждение или просьба?

— Страх.

Ответ был таким прямым, что она смягчилась.

— Я тоже боюсь.

— Кетиль опасен.

— Поэтому ты едешь.

— Он ударит по тому, что рядом со мной.

— Я уже рядом с тобой, Хальвард. Если останусь в доме, это не сделает меня невидимой.

Он сжал пальцы, потом разжал.

— Я не хочу вести тебя туда, где будет кровь.

— Ты не ведёшь. Я сказала: поеду.

— Я слышал.

— Тогда не превращай страх в заботу, которая решает за меня.

Он кивнул, хотя видно было: далось трудно.

— Хорошо.

Адель коснулась его руки. Коротко. При людях — почти ничего. Для них — многое.

— Я буду лекаркой, — сказала она. — Не знаменем. Не причиной. Не слабым местом.

Хальвард смотрел на неё с мрачной нежностью.

— Кетиль всё равно назовёт тебя слабым местом.

— Пусть. Слабое место — не то, что любят. Слабое место — то, ради чего забывают правду.

Он запомнил. Она увидела по лицу.

Ночь перед дорогой оказалась короткой.

Дом Сигмунда снова стал кораблём перед выходом в море: каждый нёс, считал, проверял, ругался, искал потерянное, обвинял соседей в том, что ещё не случилось. Ингрид распоряжалась припасами с беспощадной точностью. Она выдала сушёную рыбу, хлеб, сыр, мешок овса, два котла, чистую ткань, соль и маленький свёрток трав, который сунула Адель в руки без комментариев. Мартен пытался доказать, что должен ехать, потому что умеет помогать лекарке. Ингрид ответила, что именно поэтому он останется и будет помогать здесь, пока взрослые ездят навстречу чужой глупости. Мартен обиделся, потом Адель отвела его в сторону и поручила следить за больными, Изабо и кладовой. Это помогло: ответственность иногда утешает лучше ласки.

Бьёрн исчез на полчаса и вернулся со слишком серьёзным лицом. Адель не спрашивала, но догадалась, что он ходил к Элоизе. Когда юноша проходил мимо, она сказала:

— Ты попрощался?

Он чуть не уронил седельный ремень.

— Нет.

— Значит, не попрощался?

— Я сказал, что еду. Она сказала, чтобы я вернулся не глупым. Я сказал, что это трудно обещать.

— Честно.

— Она дала мне... — он покраснел и замолчал.

— Что?

— Нить. С крестом. Маленьким. Не для шеи. Просто держать.

Он показал, быстро, почти сердито, маленький узелок на запястье, спрятанный под ремнём. Адель не улыбнулась. Поняла, что нельзя.

— Береги, — сказала она.

— Я не христианин.

— Это не мешает беречь то, что дала тебе Элоиза.

Бьёрн кивнул и убежал так быстро, будто за ним гнались все святые франкской церкви вместе с северными богами.

Перед рассветом Адель вышла к морю.

Там уже стоял Хальвард. Конечно. Серое небо только начинало светлеть у края воды. Драккары в бухте были неподвижны, как тёмные звери во сне. На берегу пахло водорослями, мокрым камнем и дымом, который тянулся из дома Сигмунда. Ветер был холодным, но уже не зимним. Где-то далеко кричала птица.

— Ты снова здесь, — сказала Адель.

— Здесь легче думать.

— И труднее прятаться.

Он посмотрел на неё.

— Да.

Они стояли рядом, как в конце первой книги, но теперь море не было финалом. Оно стало началом новой дороги, которая уходила не за горизонт, а вглубь земли, к спорной высоте, наследникам мёртвого ярла, людям, которые хотят защиты, и человеку по имени Кетиль Хаконссон.

— Если я начну брать, — сказал Хальвард, — скажи.

— Скажу.

— Если не услышу?

— Скажу громче.

— Если всё равно?

Адель повернулась к нему.

— Тогда я уйду с твоей дороги и скажу людям, почему.

Он принял это не сразу. Но принял.

— Хорошо.

— Это не угроза.

— Знаю.

— Это то, что делает мой путь рядом с тобой честным.

Хальвард кивнул.

— А если я погибну?

Сердце Адель болезненно сжалось, но она не отвернулась.

— Тогда я буду горевать. Злиться. Молиться плохо. Лечить тех, кто останется. И жить.

Он закрыл глаза на мгновение.

— Хорошо.

— Тебе не нравится, что я сказала «жить»?

— Нравится. Больно, но нравится.

Она сама взяла его за руку.

— А если погибну я?

Его лицо стало каменным.

— Адель.

— Ответь.

— Я буду горевать. Злиться. Молиться... — он запнулся, почти усмехнулся без веселья, — не знаю кому. Жить. Плохо. Но жить.

— Хорошо.

— Мне не нравится это слово сейчас.

— Мне тоже.

Он поднял её руку к губам и поцеловал пальцы. Уже знакомое движение. Всё ещё не ставшее привычным до конца. Потом отпустил.

Из двора донёсся голос Ингрид:

— Если вы там решили умереть от красивого молчания, скажите заранее! Я зря тогда собирала еду!

Адель невольно рассмеялась.

Хальвард тоже. Тихо, почти незаметно, но по-настоящему.

Когда они вернулись, люди уже были готовы. Коней вывели, мешки привязали, оружие проверили. Ингрид стояла у ворот с таким видом, будто отправляет не отряд к спорной земле, а группу детей, которым нельзя доверить даже сухой хлеб без строгого надзора. Она подошла к Адель первой.

— Не давай ему делать всё лицом, — сказала она по-франкски.

— Что?

— Когда мужчины не знают, что делать, они часто ставят лицо суровее и надеются, что это решение.

Адель кивнула.

— Я прослежу.

— И сама не лезь под меч, чтобы доказать, что свободная.

— Постараюсь.

— Плохое слово.

— Честное.

Ингрид вздохнула, потом неожиданно поправила край накидки на плече Адель — почти так же, как когда-то Констанция поправляла её покрывало перед трудным разговором.

— Вернись, франкская лекарка.

Адель тихо ответила:

— Хочу вернуться.

На этот раз Ингрид приняла.

Отряд вышел, когда солнце только подняло бледную полосу над морем. Дом Сигмунда остался позади: дым над крышей, палисад, крики женщин, Мартен у ворот с лицом обиженного стража, Изабо с ребёнком на руках, Ингрид в тёмном платье и с ключами у пояса. Адель ехала не в седле — ехать верхом она ещё не умела достаточно хорошо, чтобы не задерживать отряд, — а на небольшой крепкой лошади, которую вёл один из людей Рагни на трудных участках. Она чувствовала на себе взгляды. Не все одобрительные. Но уже не прежние. Теперь она была не пленница, не добыча, не просто женщина Волка. Она была лекарка, христианка, свободная чужеземка, которая сама решила ехать туда, где снова будут решать судьбы других.

Дорога шла вдоль берега, потом повернула к холмам.

К полудню они встретили ещё одного человека Хрольва — подростка с разбитой губой и испуганными глазами. Его конь хромал, сам он едва держался, но увидев Торлейва, почти упал от облегчения. Хальвард приказал остановиться. Адель осмотрела мальчика: ссадины, ушибы, след верёвки на запястье. Он сбежал.

— Кетиль? — спросил Хальвард.

Подросток кивнул.

Он говорил быстро, задыхаясь. Торлейв переводил для тех, кто не слышал. Кетиль уже пришёл к высоте. Не вошёл внутрь, но поставил людей у нижней дороги. Требуется открыть ворота до заката. Говорит, что если Хрольв отдаст высоту добровольно, люди сохранят дома. Если нет — он возьмёт то, что сможет удержать, а остальных отдаст своим воинам на долю. Эймунд, по слухам, тоже собирает людей, но медленно. У Кетилия уже есть кузнецы, заложники и часть молодых воинов Хакона.

— Он сказал ещё, — подросток сглотнул и посмотрел на Хальварда. — Сказал: если Волк не придёт, земля будет его. Если Волк придёт поздно, он найдёт только пепел. А если Волк придёт вовремя...

— Что? — спросил Хальвард.

— Тогда Кетиль Хаконссон посмотрит, правда ли франкская женщина вырвала ему зубы.

Рагни выругался.

Бьёрн побледнел от злости.

Эйрик положил руку на рукоять меча.

Адель почувствовала, как холод проходит под кожей. Не от страха за себя только. От понимания: Кетиль уже нашёл способ назвать эту борьбу. Не земля, не люди, не защита. Мужчины против мужчины, Волк против сына ярла, а между ними — женщина, которую можно превратить в насмешку, слабость, доказательство, что Хальвард стал меньше прежнего.

Хальвард медленно повернул голову к ней.

Она знала, что сейчас в нём поднимается. Старый Волк. Желание ударить быстро, чтобы никто не посмел произнести её как оскорбление. Желание доказать, что зубы на месте. Желание

ние превратить вопрос земли в бой за честь. И если он пойдёт за этим желанием, Кетиль уже начнёт выигрывать.

Адель подъехала ближе.

— Ты слышал? — спросил Хальвард тихо.

— Да.

— Он сказал о тебе.

— Нет, — ответила она. — Он сказал о тебе. Мной.

Хальвард застыл.

Рагни посмотрел на неё с одобрением, мрачным и резким.

— Не дай ему выбрать твою причину, — сказала Адель. — Мы едем не за твоими зубами.

Мы едем смотреть землю и людей.

Хальвард долго смотрел на неё.

Потом кивнул.

— Едем, — сказал он отряду. — Быстро. Но без глупости.

Рагни хмыкнул.

— Это трудная дорога.

— Значит, ты будешь полезен, старик.

Отряд двинулся дальше.

К вечеру впереди показались холмы, а за ними — тёмная линия частокола на высоте. Над одним из дворов поднимался дым. Не очаговый, ровный. Чёрный, рваный. У нижней дороги стояли люди с копьями, слишком далеко, чтобы различить лица, но достаточно близко, чтобы понять: Кетиль не шутил.

Адель сжала поводья.

Первая весть о мёртвом ярле уже стала дымом над чужой землёй.

И где-то за этим дымом ждал человек, который решил: если Волк не придёт, всё будет его.

Глава 2. Земля без хозяина

Дым над высотой оказался не предвестником большого пожара, а следом маленькой, злой работы.

Такое Адель уже умела различать. Большой пожар кричит небом, жрёт кровлю, выбрасывает искры, заставляет людей бежать, не разбирая дороги. Этот дым был ниже, гуще, упрямее. Он тянулся из-за нижнего двора, где, судя по запаху, горело не всё подряд, а то, что бросили в огонь намеренно: сухая солома, часть ограды, крыша малого хлева, может быть, телега. Дым не закрывал всю высоту, но висел над ней как знак: сюда уже приходили люди с правом сильной руки, и если их не пустят через ворота, они начнут брать землю по краю, кусок за куском, пока внутри не останется только страх.

Отряд Хальварда остановился на склоне, откуда была видна сторожевая высота.

Место и правда было важным. Оно поднималось над узкой дорогой, которая шла от берегового причала к внутренним дворам, и с него можно было видеть сразу две стороны: серый залив с каменистым берегом, где стояли несколько рыбацких лодок, и низкую долину за холмами, ещё мокрую после таяния снега. На самом верху тянулся неровный частокол, старый, местами подгнивший, но всё ещё способный задержать людей, если те не принесут с собой огонь и лестницы. За частоколом виднелась низкая башня — скорее высокий сторожевой дом, чем крепость, — с тёмными бойницами и крышей, залатанной свежими досками. Ниже, ближе к дороге, лежали три двора: один почти целый, второй с выбитой дверью хлева, третий — тот самый, откуда шёл дым.

Люди Кетилия стояли у нижней дороги.

Их было не так много, как могло бы быть, но достаточно, чтобы каждый, кто решит пройти к высоте или уйти от неё, сначала увидел копыя. Они не бросались вперёд, не кричали, не пытались сразу вызвать Хальварда на бой. Просто занимали место, как занимают его те, кто хочет, чтобы само присутствие стало первым приказом. Несколько человек сидели у камней, один держал под уздцы чужую корову, ещё двое рылись в мешках у перевёрнутой телеги. Над ними на шесте висела узкая полоска красной ткани — не знамя ярла, скорее знак людей Кетилия, временный и наглый.

Рагни прищурился.

— Он не вошёл, — сказал старик. — Значит, Хрольв ещё держит ворота.

— Или Кетиль ждёт, пока мы подойдём ближе, — ответил Эйрик.

— Тоже может быть. Молодой волк любит смотреть, как другой волк прыгает первым.

Хальвард молчал, глядя вниз. Адель стояла рядом с лошастью, чувствуя, как мокрый ветер с залива тянет край её накидки. Ей хотелось спросить, где люди высоты, сколько там детей, есть ли раненые, сколько еды осталось, но она уже знала: сначала мужчины будут считать копыя. Потом ворота. Потом путь отхода. И только когда станет ясно, как не умереть сразу, кто-нибудь вспомнит, что внутри частокола живые люди уже давно дышат дымом и ждут.

Хальвард повернулся к Торлейву.

— Есть другой путь наверх?

— Тропа с северной стороны. Узкая. Через камни и старый овраг. Для коней плохо, для людей можно. Хрольв держит там двоих, если ещё держит.

— Кетиль знает?

— Все знают. Но если поставить людей там, нижняя дорога останется без глаз. У него не хватает людей закрыть всё, если он не хочет показать, что пришёл слабым.

— Он не покажет, — сказал Рагни. — Лучше сожжёт ещё один хлев и будет выглядеть сильным перед курами.

Бьёрн, стоявший позади, усмехнулся, но быстро замолчал, когда с высоты донёлся детский плач. Звук был далёкий, тонкий, почти сразу оборвался, будто кто-то закрыл ребёнку рот. Адель почувствовала, как внутри всё сжалось. Война, которая с расстояния кажется спором мужчин о земле, вблизи всегда звучит детским плачем, кашлем, мычанием угнанной коровы и треском сухой крыши.

— Мне нужно к людям, — сказала она тихо.

Хальвард не повернулся сразу.

— Ещё нет.

— Там дым. Если кто-то обгорел...

— Ещё нет, — повторил он. — Сначала узнаем, сколько мечей между тобой и дымом.

Она хотела возразить, но остановилась. Это было не «останься, потому что я сказал». Это было то, о чём он говорил раньше: море не спрашивает свободу, а копья не становятся безопаснее от того, что лекарка права. Она кивнула, хотя кивок дался трудно.

— Хорошо. Но не затягивай.

Рагни хмыкнул.

— Вот теперь у нас есть настоящий вождь.

Хальвард бросил на него взгляд.

— Ты о себе?

— Нет. О ней. Она уже даёт тебе приказы и не несёт за это цену серебром. Очень умно.

Адель почти улыбнулась, но не успела: один из людей Кетиля заметил их на склоне и крикнул вниз. Движение пошло по нижней дороге быстро. Те, кто сидел у камней, поднялись. Человек с коровой отпустил узду и схватил копьё. От перевёрнутой телеги вышел высокий воин с рыжеватой бородой, широким поясом и длинным ножом у бедра. Он посмотрел на отряд Хальварда, потом нарочно медленно поднял руку, будто приветствовал гостей, а не людей, приехавших к горящей земле.

— Не Кетиль, — сказал Торлейв. — Его человек. Ульфкелль. Хитрый. Любит говорить, пока другие берут.

— Значит, пусть говорит, — ответил Хальвард.

Он выбрал пятерых: Рагни, Эйрика, Торлейва, Бьёрна и ещё одного молчаливого воина по имени Снорри. Адель сделал знак остаться сзади. Она открыла рот, но Хальвард опередил её:

— Не потому что решаю за тебя. Потому что если разговор станет ударом, мне нужно знать, где ты.

— Ты мог бы сказать это хуже, — заметила она.

— Учусь.

— И всё равно я пойду ближе, чем здесь. Если там раненные, я не буду ждать, пока мужчины закончат мериться именами.

Он посмотрел на неё, потом кивнул на небольшой камень у дороги, откуда её можно было видеть, но до ближайших копий оставалось расстояние.

— Там. Пока.

— Пока, — согласилась Адель.

Они спустились.

Люди Кетиля ждали у нижнего двора. Земля там была истоптана, на грязи виднелись глубокие следы копыт, на обочине лежала разбитая деревянная ось. У сгоревшего хлева стояла женщина с закопчённым лицом, прижимая к себе девочку лет шести. Рядом сидел старик, у которого через седые волосы на виске шла кровь. Никто из людей Кетиля не мешал им стоять. Это было хуже прямого насилия: они давали жителям высоты видеть последствия непокорности и не скрывали, что могут повторить.

Адель остановилась у назначенного камня, но взгляд её всё время возвращался к старику.

Ульфкелль вышел вперёд.

— Хальвард Ульв, — сказал он громко. — Далеко же ты едешь ради чужого дыма.

— Дым редко бывает чужим, если ветер идёт к твоему дому, — ответил Хальвард.

Несколько людей Кетиля переглянулись. Рагни одобрительно кашлянул, будто хороший ответ был почти так же полезен, как острый нож.

— Эта земля Хакона, — сказал Ульфкелль. — Хакон мёртв. Его сын Кетиль берёт то, что отец не успел передать слабым рукам. Тебе здесь нечего смотреть.

— Если нечего смотреть, зачем жжёте хлеб? — спросил Хальвард.

Ульфкелль усмехнулся.

— Чтобы внутри частокола лучше видели.

— Уже увидели?

— К закату поймём.

— А если не откроют?

— Тогда плохо выбрали старика, который думает за них.

Хальвард перевёл взгляд на ворота высоты. Там действительно стояли люди. Маленькие фигурки между кольями частокола, слишком далеко для лиц, но достаточно близко для страха. Они смотрели вниз, на разговор у сгоревшего двора, и, наверное, пытались понять, привёз ли Волк спасение или новую беду.

— Я пришёл говорить с Хрольвом и людьми высоты, — сказал Хальвард.

— Говори отсюда. Они услышат, если крикнешь.

— Я не кричу с людьми, которых хочу услышать.

Ульфкелль улыбнулся шире.

— Слишком много слов о слушании. Говорят, франкская женщина научила тебя держать пасть закрытой. Это правда?

Бьёрн дёрнулся первым. Рагни положил ему руку на грудь, даже не глядя. Эйрик медленно повернул голову к Хальварду. Адель почувствовала, как старый холод прошёл по коже. Кетиль действительно уже выбрал оружие: не просто копье, не просто огонь, а насмешку, которая должна заставить Хальварда доказывать силу там, где нужно было удержать разум.

Хальвард не посмотрел на неё.

Это было хорошо.

Он смотрел только на Ульфкелля.

— Если бы она научила меня держать пасть закрытой, ты бы сейчас говорил с Рагни. Он терпит меньше.

Рагни показал зубы.

— Правда.

Ульфкелль хмыкнул, но в глазах его мелькнуло раздражение. Удар не достиг цели.

— Кетиль говорит: если Волк хочет спорить о земле Хакона, пусть приходит к нему. Не прячется за стариком Хрольвом, женщиной с крестом и словами о свободе.

— Кетиль здесь?

— Близко.

— Тогда пусть поднимется и скажет сам.

— Он придёт, когда высота откроет ворота.

— Значит, пока здесь говоришь ты. Я услышал. Теперь я поднимусь к Хрольву.

Ульфкелль не сразу ответил. Он явно рассчитывал на более длинный спор, на злость, на то, что Хальвард скажет лишнее. Вместо этого Волк говорил так, будто сам выбирает, где закончится разговор. И это раздражало людей Кетиля больше, чем крик.

— Эта дорога закрыта.

— Тропа с севера открыта.

Ульфкелль посмотрел на Торлейва, и в этом взгляде было обещание будущей расплаты.

— Тропа опасна.

— Тогда пойдём осторожно.

— Если мои люди увидят вас у северного склона, могут решить, что вы нападаете.

— Если твои люди не умеют отличать пять человек на тропе от нападения, Кетилю нужны лучшие люди.

Рагни снова хмыкнул. На этот раз даже Эйрик едва заметно усмехнулся.

Ульфкелль сделал шаг ближе.

— Ты играешь словами, Волк. К закату игра кончится. Хрольв откроет ворота Кетилю или потеряет дворы. Если ты будешь внутри, потеряешь вместе с ним.

Хальвард кивнул.

— Хорошо.

Ульфкелль моргнул.

— Что хорошо?

— Теперь я знаю, сколько у вас терпения.

Он повернулся к Рагни.

— Северная тропа.

Они начали отходить не спиной, а боком, не показывая страха и не давая повода для удара. Ульфкелль не приказал атаковать. Пока нет. Он стоял у сгоревшего хлева, улыбаясь, но улыбка уже стала тоньше.

Адель не выдержала.

Она шагнула к старику с рассечённым виском.

Один из людей Кетили тут же двинулся наперерез, но Хальвард остановился прежде, чем тот успел подойти слишком близко.

— Она лекарка, — сказал он.

— Она не к нашим, — ответил воин.

— Кровь пока ничья.

Адель не стала ждать разрешения. Она опустилась перед стариком на колени, раскрыла мешок, быстро осмотрела рану. Рассечение было неглубоким, но крови много. Старик смотрел на неё мутно, плохо понимая, кто она. Женщина с девочкой стояла рядом, напряжённая, будто ждала удара за то, что чужая рука помогает её старому. Адель заговорила с ней на северном, медленно:

— Вода есть?

Женщина кивнула, но не двинулась.

— Принеси. Чистую, если есть. Быстро.

Она посмотрела на людей Кетили. Те не мешали, но наблюдали. Тогда девочка вдруг выскользнула из рук матери и побежала к уцелевшему дому. Через несколько мгновений вернулась с деревянной чашей, расплескав половину. Адель промыла рану, наложила ткань, попросила женщину держать.

— Сильно? — спросила та шёпотом.

— Жить будет. Но ему нужен покой и тепло.

Женщина вдруг вцепилась Адель в рукав.

— Ты с Волком?

Адель замерла на мгновение.

Вопрос был не о любви, не о доме Сигмунда, не о том, что люди шепчут у очага. Здесь, у сгоревшего хлева, «ты с Волком?» означало: если мы доверимся ему, станешь ли ты частью новой беды или той, кто увидит нас людьми?

— Я рядом с ним, — сказала Адель. — Но мои руки мои.

Женщина не поняла всех слов. Или поняла больше, чем Адель рассчитывала. Она отпустила рукав и кивнула.

Хальвард слышал.

Ульфкелль тоже.

— Хорошая лекарка, — сказал человек Кетиля, растягивая слова. — Жаль будет, если высота выберет не того волка и ей снова придётся зашивать чужие кишки.

Адель поднялась.

— Мне приходилось зашивать людей умнее тебя. Они хотя бы молчали, когда мешали.

Бьёрн подавился воздухом. Рагни расхохотался открыто. Ульфкелль перестал улыбаться.

Хальвард подошёл к Адель.

— Идём.

— Да.

На этот раз она не спорила. Рана старика была закрыта, большего ей здесь пока не дадут сделать.

Северная тропа оказалась хуже, чем обещал Торлейв.

Она уходила от нижней дороги к каменным осыпям, потом поднималась вдоль старого оврага, где весенняя вода размывала глину и обнажила корни. Коней пришлось оставить внизу с двумя людьми. Дальше шли пешком. Адель быстро поняла, что её мягкая франкская походка, которую северные женщины уже не высмеивали из милости, здесь бесполезна. Камни скользили, трава обманывала, земля проседала под ногой. Бьёрн один раз протянул ей руку, но тут же покраснел и убрал, видимо вспомнив все правила о том, кто кого может касаться. Адель сама схватила его за запястье, чтобы не упасть.

— Сегодня можно, — сказала она.

— А завтра?

— Завтра посмотрим, насколько ты будешь глуп.

— Значит, можно будет часто.

— Вероятно.

Он улыбнулся, и эта короткая юношеская улыбка на опасной тропе показалась Адель почти болезненно живой.

Хальвард шёл впереди с Торлейвом и Рагни. Несколько раз останавливался, чтобы проверить, не идут ли люди Кетиля за ними. Эйрик замыкал цепочку. Снорри нёс часть лекарского мешка, после того как Мартен, оставшийся дома, был бы горд узнать, что его обязанности временно выполняет суровый воин с лицом человека, которому поручили младенца. Адель поднималась молча, экономя дыхание. Внизу уже не было видно сгоревшего двора, но дым всё ещё тянулся между деревьями, и запах его догонял их даже здесь.

На середине подъёма из-за камней вышел мальчишка с копьём.

Он был лет двенадцати, не старше Мартена, худой, с торчащими ушами и таким серьёзным лицом, что казался не ребёнком, а маленькой копией старика, которому жизнь не дала времени вырасти. Копьё дрожало у него в руках. Он направил его на Торлейва, потом увидел Хальварда и побледнел.

— Имя, — сказал он.

— Торлейв. Хальвард Ульв. Рагни. Эйрик. Свои для Хрольва, если Хрольв ещё не стал глупым.

Мальчик сглотнул.

— Глупый он всегда. Но живой.

Рагни одобрительно кивнул.

— Хороший дозорный. Оскорбляет старших, значит, не спит.

Мальчик не понял шутки, но копьё опустил. Он провёл их через узкий проход между камнями, где стоял ещё один дозорный — уже взрослый, с луком и опухшим от усталости лицом. Тот проверил каждого взглядом, особенно долго задержался на Адель.

— Женщина?

— Лекарка, — сказал Хальвард.

Дозорный посмотрел на крест у неё на груди.

— Христианка?

— Да, — ответила Адель сама.

— У нас есть двое обожжённых. Один ребёнок кашляет дымом. Если твой Бог не против северных ран, иди быстрее.

— Мой Бог часто видит раны раньше, чем люди вспоминают спросить, против ли Он, — сказала Адель.

Дозорный не понял, но Торлейв коротко перевёл. Мужчина посмотрел на неё странно и впервые за всё время почти улыбнулся.

Внутри частокола было тесно, грязно и страшно.

Люди высоты согнали туда всё, что успели: семьи из нижних дворов, часть скота, мешки с зерном, рыболовные сети, инструменты, детей, стариков, кур, которые возмущались происходящим громче многих людей. У малого сторожевого дома стояли вёдра с водой, бочки, связки стрел, несколько щитов, старый стол, на котором разложили ножи и топоры, не все боевые, некоторые явно снятые со стен и из сараев. Женщины сидели с детьми вдоль внутренней стены, но не без дела: кто-то рвал ткань на повязки, кто-то чинил ремень, кто-то держал котелок, кто-то успокаивал младенца. Мужчины у ворот выглядели так, как выглядят люди, которым уже пришлось признать: если придёт настоящий отряд, частокол долго не продержится.

Хрольв оказался ниже, чем Адель ожидала.

Старик был сухой, широкоскулый, с белой бородой, заплетённой в две тонкие косицы, и глазами, которые устали, но не стали мягкими. Левая рука у него плохо сгибалась, правая держала короткое копьё без дрожи. Он вышел навстречу Хальварду и не поклонился, но опустил копьё остриём к земле.

— Волк пришёл смотреть, — сказал он.

— Пока смотреть, — ответил Хальвард.

— Хорошо. Те, кто сразу приходят брать, обычно не смотрят под ноги и падают в первую яму.

Хрольв перевёл взгляд на Рагни.

— Ты ещё жив, старый ворон?

— Назло тем, кто слишком часто спрашивает.

— Значит, боги всё ещё любят дурные шутки.

Они обменялись этим как приветствием, и Адель поняла, что Хрольв и Рагни знают друг друга давно. Потом старик посмотрел на неё.

— Франкская лекарка.

Это было не вопросом.

— Адель, — сказала она.

— У меня внутри двое с ожогами, один с проломленной головой, ребёнок кашляет дымом, женщина рожать начнёт раньше времени, если ещё кто-нибудь скажет ей, что всё будет хорошо. Ты сначала лекарка, потом чужая?

— Сначала лекарка.

— Тогда в дом.

Так она впервые вошла в сторожевую высоту не как женщина Хальварда, не как символ его странной свободы, не как причина насмешек Кетиля, а как человек, которому срочно нужно показать раненых.

Внутри сторожевого дома было душно. Дым от нижнего пожара проникал даже сюда, смешиваясь с запахом страха, скота, крови и мокрой одежды. На полу у стены лежал мужчина с ожогами на руках и шее — видимо, пытался вытаскивать что-то из хлева. Вторым оказался мальчик лет десяти, у которого обожжены были ладони. Он плакал без звука, только открывал

рот и трясся. Ребёнок, надышавшийся дымом, сидел у матери на коленях и сипел при каждом вдохе. Женщина с большим животом действительно выглядела так, будто ещё один крик у ворот может подтолкнуть роды.

Адель перестала думать о Кетиле.

Мир сузился до воды, ткани, ожога, дыхания, жара кожи, боли, которую нельзя отменить, но можно уменьшить. Она велела открыть верхнюю щель, чтобы стало легче дышать, приказала вынести лишних людей, попросила чистую воду, жир, если есть, мёд, если сохранился, мягкую ткань, не шерсть. Хрольв послал женщину, та побежала без спора. Снорри, всё ещё державший её мешок, оказался на удивление послушным помощником. Бьёрн стоял у двери и не знал, куда себя деть, пока Адель не велела ему держать ребёнка так, чтобы тот сидел прямо. Он побледнел, но выполнил.

— Не сжимай его как щит, — сказала Адель. — Он должен дышать.

— Я не сжимаю.

— Ты почти сломал бы ему рёбра, если бы они были твоим врагом.

Бьёрн немедленно ослабил руки.

Работа успокаивала. Не потому, что была лёгкой. Потому что в ней были правила, а не только страх. Ожоги промыть осторожно, не сдирать прилипшую ткань, охлаждать, закрывать чистым, следить за дыханием, не давать толпе стоять над больным, женщине с животом — тишину, воду и место, где она не будет видеть ворота. Адель говорила, Торлейв переводил, потом некоторые женщины уже понимали жесты и подхватывали. Местные смотрели на неё сначала с недоверием, потом с той особой жадной надеждой, которая всегда тяжела для лекаря: будто если она знает, что делать, значит, спасёт всех. Адель давно знала, что не спасёт всех. Но руки её всё равно работали.

Когда она вышла из сторожевого дома, день уже начал клониться к вечеру.

Хальвард стоял у внутренней стены вместе с Хрольвом, Рагни, Эйриком и несколькими местными мужчинами и женщинами. Перед ними на земле была грубо начерчена палкой схема высоты: ворота, северная тропа, нижние дворы, дорога, причал, пастбища, дом, где держали часть зерна. Хрольв говорил, остальные слушали. Адель подошла не сразу, сначала остановилась у бочки и вымыла руки. Вода стала мутной. Она вылила её в сторону, попросила чистую, снова вымыла. Одна из женщин молча подала ей сухую ткань.

— Жить будут? — спросил Хальвард, когда она подошла.

— Мужчина с ожогами — если не начнётся гниение. Мальчик — руки останутся, если не трогать повязки. Ребёнок с дымом — ночь покажет. Женщину с животом надо держать подальше от криков и умных мужчин.

Хрольв криво усмехнулся.

— Тогда придётся выгнать половину высоты.

— Начните с самых громких.

— Хорошая лекарка.

— Уставшая лекарка, — поправила Адель.

Хальвард посмотрел на неё чуть внимательнее, но не стал при всех спрашивать, нужно ли ей сесть. Она была благодарна. Иногда забота, сказанная слишком открыто, превращает женщину в слабое место быстрее любой вражеской насмешки.

— Что у вас? — спросила она.

Хрольв указал палкой на нижнюю дорогу.

— Кетиль держит здесь. Людей у него около двадцати, может, больше в лесу. Скот нижних дворов он уже увёл частично. Один хлев сжёг. Не до конца, чтобы не потерять всё, что хочет забрать после. К закату ждёт, что откроем ворота.

— Если откроете? — спросила Адель.

Мужчины переглянулись.

Ответила женщина, стоявшая чуть позади Хрольва. Лет сорока, крепкая, с тёмными волосами, убранными под платок, и лицом, на котором страх уже успел превратиться в злость.

— Тогда он возьмёт сыновей в люди, скот в счёт защиты, зерно в счёт верности, девок под присмотр своих женщин, а нас оставит благодарить, что крыши целы.

Хрольв бросил на неё взгляд, но не осадил.

— Это Гудрид, — сказал он. — Её двор горел.

— Мой двор ещё стоит, — резко ответила женщина. — Горел хлев. Двор будет стоять, если мужчины перестанут считать, кому выгоднее его отдать.

Адель почувствовала почти мгновенную симпатию.

Ингрид бы одобрила.

Хальвард спросил:

— Вы хотите открыть Эймунду?

— Эймунд далеко, — сказал один из мужчин. — И его люди уже брали зерно у соседей.

— Но он старший сын, — заметил Эйрик.

Гудрид повернулась к нему.

— Пусть его старшинство само придёт и само станет у ворот, когда Кетиль жжёт наш хлев.

Эйрик нахмурился, но спорить с женщиной, у которой дым ещё сидел в волосах, не стал.

— Тогда чего вы хотите? — спросил Хальвард.

Вопрос прозвучал просто.

И именно поэтому люди не ответили сразу.

Адель заметила эту паузу. Хальвард, кажется, тоже. Он спросил не «что мне делать», не «кого вы признаёте», не «готовы ли платить». Он спросил, чего хотят они. И люди, привыкшие выбирать между чужими требованиями, вдруг оказались перед вопросом, который страшнее приказа. Потому что желание, названное вслух, делает тебя ответственным за свою часть дороги.

Хрольв опустил палку.

— Хотим, чтобы Кетиль ушёл.

— И Эймунд не пришёл брать вдвое больше за то, что спас от брата, — добавила Гудрид.

— Хотим оставить скот, — сказал другой мужчина.

— Хотим, чтобы сыновей не забрали, — сказала женщина у стены.

— Хотим знать, кому платить, чтобы потом не пришёл другой и не сказал, что мы платили неправильно, — произнёс старик с перевязанным плечом.

— Хотим пережить весну, — тихо сказал кто-то позади.

Хальвард слушал.

Адель видела, как слова ложатся на него не легче копий. Потому что вот она, земля без хозяина: не пустая, не ничья, не лежащая готовой добычей для сильного. Земля, на которой люди хотят слишком простого и потому почти невозможного — жить, не отдавая каждый день новый кусок страха очередному человеку с мечом.

— И вы хотите, чтобы Хальвард стал этим человеком? — спросила Адель.

Все посмотрели на неё.

Вопрос был неприятный. Может быть, жестокий. Но без него разговор был бы ложью.

Хрольв прищурился.

— Говори прямо, франкская лекарка.

— Вы хотите защиты. Но если Хальвард останется, ему понадобятся еда, люди, работа, место, слово. Он не может защищать высоту как прохожий с доброй душой. Если он станет здесь силой, однажды кто-то из вас скажет: мы сменили одного хозяина на другого. Я хочу знать, вы этого боитесь?

Снова тишина.

Хальвард не вмешался. Даже когда некоторые мужчины недовольно зашевелились. Он дал вопросу стоять.

Первой ответила Гудрид.

— Да.

Слово было коротким и тяжёлым.

За ним, после паузы, заговорили другие.

— Боимся.

— Конечно.

— Волк не из нашего двора.

— Его люди будут есть наше зерно.

— Он сильный. Сильные всегда сначала говорят «защита».

— Хакон тоже когда-то защищал.

— Кетиль говорит, что защищает.

— Эймунд говорит то же.

Хальвард стоял неподвижно, но Адель знала, что каждое слово попадает. Не как оскорбление. Как правда, которую он сам просил не скрывать.

— Тогда почему позвали? — спросил Рагни.

Гудрид посмотрела на него с усталостью.

— Потому что бояться нового хозяина всё равно лучше, чем точно получить Кетиль до заката.

Это было страшное признание. И честное.

Хальвард медленно кивнул.

— Хорошо.

Хрольв поднял голову.

— Что хорошо?

— Хорошо, что сказали.

— И что теперь, Волк?

Хальвард посмотрел через частокол вниз, туда, где люди Кетиль ждали заката и решения.

— Теперь мы сделаем так, чтобы Кетиль не вошёл сегодня.

— А завтра?

— Завтра будем говорить снова.

— С кем? — спросила Гудрид.

— С вами.

Она смотрела на него так, будто не знала, верить ли, смеяться ли, готовиться ли к новой беде.

— С людьми высоты? — уточнила она.

— Да.

— Не только с Хрольвом?

— Не только.

Хрольв хмыкнул, но не обиделся.

— Осторожнее, Волк. Если начнёшь спрашивать всех, услышишь больше, чем хотел.

Хальвард перевёл взгляд на Адель.

— Я уже знаю.

Рагни негромко рассмеялся.

План на вечер родился не быстро.

Хальвард не хотел открытого боя у нижней дороги: людей у него было мало, у Кетиль — неизвестно сколько, а если начнётся кровь, Эймунд потом сможет объявить всех мятежниками. Хрольв не хотел открывать ворота. Гудрид хотела спуститься и ударить Ульфкелля по голове чем-нибудь тяжёлым, желательно тем самым ведром, которым тушила хлев. Рагни предложил

использовать северную тропу, дым и темноту, чтобы вывести из нижнего двора оставшихся людей и часть вещей, пока Кетиль ждёт решения у ворот. Эйрик считал, что нужно ночью ударить по людям у дороги и забрать скот обратно. Хальвард слушал всех, потом выбрал среднее: до темноты укрепить ворота, ночью вывести оставшихся из нижних дворов через овраг, скот пока не трогать, потому что ради коров можно потерять людей. Утром — говорить с Ульфкеллем уже с высоты, где видно, что ворота не откроются легко.

— Кетиль решит, что мы боимся, — сказал Эйрик.

— Мы боимся, — ответил Хальвард. — Только не его одного. Глупости тоже.

Эйрик помолчал и кивнул.

Адель провела вечер между ранеными, детьми и женщиной с животом, которую звали Сольвейг. Та действительно начала хвататься за живот всякий раз, когда у ворот кричали, но роды пока не начинались. Адель велела ей лечь, пить тёплую воду и не слушать мужчин. Сольвейг горько усмехнулась и сказала, что если бы женщины могли не слушать мужчин всякий раз, когда они шумят, северные дома стали бы тише монастырей. Адель ответила, что монастыри тоже шумят, просто там это называют послушанием. Сольвейг не поняла полностью, но рассмеялась, и смех помог ей лучше любого отвара.

Ближе к ночи из нижних дворов начали выводить людей.

Это была грязная, тихая, опасная работа. Бьёрн и Снорри спустились с двумя местными через овраг. Гудрид настояла, что пойдёт с ними, потому что знает, где в её дворе спрятаны вещи, которые мужчины обязательно забудут, а потом будут называть это потерей. Хальвард хотел возразить, но взглянул на Адель и, видимо, решил не спорить с женщиной, чей хлев горел на её глазах. Он только сказал Гудрид, что если она начнёт мстить вместо выноса людей, он сам свяжет её и принесёт наверх. Гудрид ответила, что пусть попробует после того, как она ударит Ульфкелля ведром. Даже Хрольв усмехнулся.

Адель осталась у ворот с ранеными, слушая ночь.

Внизу люди Кетили пели. Негромко, грубо, больше для собственной храбрости, чем для веселья. Из оврага иногда доносился шорох. Один раз собака залаяла, и все внутри частокола застыли. Потом лай оборвался. Позже наверх поднялись первые: старая женщина, двое детей, мальчик с мешком, девушка, несущая клетку с курами, и Бьёрн, который выглядел так, будто эти куры были самым унизительным грузом его воинской жизни. Адель помогала детям перелезть через узкий проход, укрывала старуху плащом, проверяла, не надышалась ли девушка дымом. Потом пришли ещё. И ещё.

Не всех удалось вывести.

Один из домов уже обыскали люди Кетили. Часть скота увели. В амбаре Гудрид осталась половина зерна, но его нельзя было вынести без шума. Муж Гудрид, как выяснилось, был в заложниках у Кетили: его схватили днём, когда он пытался вывести коров. Об этом Гудрид сказала только после возвращения, когда Хальвард спросил, все ли из её двора внутри. Она стояла, испачканная сажей и грязью, и лицо её было таким спокойным, что Адель поняла: эта женщина уже положила страх в такое место внутри себя, откуда его потом трудно достать живым.

— Почему не сказала раньше? — спросил Хальвард.

— Чтобы ты не решил, что ради одного мужчины надо открыть ворота всем.

— Это твой муж.

— Поэтому я и знаю, что он первым назвал бы меня дурой.

Хальвард молчал.

— Его нужно вытащить, — сказал Бьёрн.

— Конечно нужно, — ответила Гудрид. — Только не так, чтобы вместо одного мужа я получила двадцать мёртвых соседей.

Адель посмотрела на неё и вдруг увидела возможное будущее новой земли. Не в красивых словах, не в мечтах и не в том, как Хальвард стоит у частокола. В таких женщинах, которые слишком хорошо знают цену решениям, чтобы отдавать их только мужчинам у очага.

Поздно ночью у ворот появился Ульфкелль.

Он подошёл не один, но близко привёл только двоих. За ними в темноте двигались тени. У частокола подняли факелы. Хальвард вышел на внутреннюю площадку над воротами рядом с Хрольвом и Рагни. Адель стояла ниже, у стены сторожевого дома. Она не должна была быть на этом разговоре. И всё равно была. Не как знамя. Как свидетель.

— Закат прошёл, Хрольв! — крикнул Ульфкелль. — Ты стар и плохо видишь небо?

— Я стар, поэтому видел больше закатов, чем ты украл коров, — ответил Хрольв.

Снизу засмеялись, но смех был коротким.

— Кетиль Хаконссон даёт вам ночь, потому что милостив к тем, кто боится, — продолжил Ульфкелль. — Утром ворота откроются. Скот и зерно будут посчитаны. Мужчины дадут клятву. Женщины останутся в домах. Дети не пострадают, если их отцы станут умнее.

Хальвард положил руку на верх частокола.

— А муж Гудрид?

Пауза.

— Жив, если жена перестанет бегать по оврагам.

Значит, они заметили. Не остановили, но заметили.

Гудрид стояла в темноте рядом с Адель. Не дрогнула.

— Отпустишь его, — сказал Хальвард.

Ульфкелль поднял голову.

— Волк уже отдаёт приказы на земле Хакона?

— Нет. Пока прошу.

— Просишь?

Внизу снова засмеялись. На этот раз громче.

Хальвард не изменился в лице.

— Пока.

Смех стих не сразу, но стих.

— Утром, — сказал Ульфкелль, — сюда придёт Кетиль. Спроси у него. Если будет в хорошем настроении, может, отдаст тебе мужика за песню франкской женщины. Говорят, она умеет учить волков просить.

Бьёрн дёрнулся вниз. Рагни тихо сказал что-то Хальварду. Адель почувствовала, как в темноте все ждут: сорвётся ли? Ответит ли угрозой? Сделает ли её снова причиной боя?

Хальвард смотрел вниз.

— Передай Кетилю, — сказал он наконец, — я пришёл посмотреть землю. Утром посмотрю и на него.

— Глаза не потеряй.

— Береги свои.

Ульфкелль ушёл.

Ночь будто выдохнула, но легче не стало.

Хальвард спустился с площадки и подошёл к Гудрид.

— Мужа вернём, если сможем.

— Я знаю.

— Я не буду открывать ворота ради него.

— Я знаю.

— Если будет обмен...

— У меня нечего дать, кроме той половины зерна, которую они ещё не нашли.

— Не о зерне речь.

Гудрид посмотрела на него долго.

— Если ты хочешь, чтобы мы потом сказали: Волк защищает лучше Кетиля, не начинай с того, что возьмёшь последнее за мужа.

Хальвард принял это молча.

Адель стояла рядом и понимала: так начинается земля без хозяина. Не красивым призывом, не торжественной клятвой, не поднятым мечом, а тяжёлым разговором ночью у ворот, где каждый боится, что новый защитник однажды назовёт свою цену тем же голосом, что старые.

Позже, когда люди разошлись кто к воротам, кто к больным, кто к короткому беспокойному сну, Адель нашла Хальварда у внутренней стены. Он стоял один, глядя вниз на огни людей Кетиля. Рядом лежал его щит. Он не держал его в руках.

— Они боятся тебя, — сказала она.

— Да.

— Ты злишься?

— Да.

— За это?

Он подумал.

— Нет. За то, что они правы.

Адель подошла ближе.

— Они не знают тебя так, как я.

— Ты тоже боялась.

— Да.

— И была права.

Она не стала утешать. Утешение сейчас было бы ложью.

— Страх не всегда говорит: уходи, — сказала она. — Иногда говорит: смотри внимательно.

Хальвард повернулся к ней.

— А ты?

— Что я?

— Смотришь?

— Да.

— И что видишь?

Она посмотрела на двор внутри частокола: дети спят у стены, женщины держат котлы и ткань, старик Хрольв дремлет сидя с копьём у колен, Гудрид стоит у ворот, будто сама стала частью частокола, Бьёрн пытается не заснуть и всё равно клюёт носом, Рагни где-то тихо ругает молодого дозорного за неправильную стойку, раненый мальчик с обожжёнными ладонями стонет во сне.

— Людей, которые хотят защиты, — сказала Адель. — И боятся, что защита снова станет поводом отнять у них всё.

— И меня?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Человека, который хочет землю. И пока ещё помнит, что земля не пустая.

Хальвард долго молчал.

Потом кивнул.

Снизу, от нижней дороги, донёсся новый звук: не песня, не ругань, не собачий лай. Рог. Один короткий зов, затем второй, глубже. На огнях людей Кетиля началось движение. Где-то в темноте приближался новый отряд.

Хрольв проснулся мгновенно.

Рагни уже был на ногах.

Торлейв поднялся на площадку у ворот и всмотрелся вниз.

— Это он, — сказал он тихо. — Кетиль пришёл раньше утра.

Адель почувствовала, как Хальвард рядом стал совсем неподвижным.

За частоколом, у нижней дороги, факелы один за другим поднимались из темноты, как злые звёзды. Их было больше, чем вечером.

Земля без хозяина уже переставала ждать.

Глава 3. Не называй защиту властью

Кетиль пришёл не сам.

Сначала снизу поднялись факелы, потом за ними проявились люди, и только когда дозорные на частоколе перестали шептать и начали считать вслух, стало ясно: это не весь отряд, не главный удар, а передняя рука человека, который умеет заставить ждать себя даже угрозой. Двенадцать, потом пятнадцать, потом, когда факелы разошлись по нижней дороге, оказалось больше двадцати. Они не полезли на склон, не бросились к воротам, не стали сразу ломать частокол. Просто заняли дорогу шире, поставили щиты у камней и развели ещё один костёр, как будто пришли не требовать чужую землю, а устраиваться на ночь у своего порога.

Высота не спала.

После появления отряда Кетиля даже дети, уложенные у внутренней стены, просыпались от каждого резкого голоса. Женщины сидели с узлами на коленях, будто в любой миг снова придётся хватать вещи и бежать. У ворот стояли Хрольв, Рагни, Эйрик и люди Хальварда вперемешку с местными. Это смешение само по себе было странным: ещё утром у высоты не было хозяина, к вечеру у неё появились чужие защитники, а ночью никто уже не мог точно сказать, где заканчиваются люди Хрольва и начинаются люди Волка. Адель видела, как местные смотрят на это. Не с благодарностью. С тревогой. Защита входит в ворота тихо; власть иногда оказывается внутри раньше, чем люди успевают спросить, кто её звал.

Она вернулась к больным после того, как рог снизу отзвучал во второй раз.

Мальчик с обожжёнными ладонями наконец уснул, но даже во сне хныкал, и мать сидела над ним, не двигаясь, будто боялась, что если отведёт взгляд, боль вернётся сильнее. Ребёнок, надышавшийся дымом, дышал сипло, но ровнее. Мужчина с ожогами лихорадил; Адель сменила повязку и велела принести ещё воды. Женщина Сольвейг, у которой раньше времени прихватывало живот, лежала на боку и смотрела в стену, стараясь делать вид, что не слышит голосов у ворот. В сторожевом доме было душно, поэтому Адель заставила открыть верхнюю щель шире, хотя одна из женщин ворчала, что так войдёт холод. Холод был лучше удушья. Это на севере понимали не сразу: здесь люди так боялись сквозняка, будто ветер сам по себе способен убить быстрее дыма и грязи.

— Они нападут? — спросила мать обожжённого мальчика.

Она говорила на северном, но медленно, уже поняв, что франкская лекарка знает достаточно слов, если не торопиться.

— Не сейчас, — ответила Адель.

— Ты знаешь?

— Нет. Надеюсь.

Женщина посмотрела на неё и вдруг кивнула. Возможно, честное «не знаю» звучало надёжнее, чем обещание, которому никто бы не поверил.

Когда Адель вышла наружу, Хальвард стоял у ворот с Хрольвом и Рагни. Факелы снизу освещали его лицо неровно, то делая его совсем чужим и суровым, то возвращая ей знакомые черты. Он слушал доклад дозорного: люди Кетиля подвели к дороге ещё двоих заложников, одного из них, должно быть, мужа Гудрид, потому что женщина у внутренней стены стояла слишком прямо и слишком неподвижно. Хальвард ничего не говорил, но Адель уже знала этот вид молчания. В нём собиралось действие. Быстрое, сильное, опасное. То самое, которое когда-то спасало в бою и разрушало всё, если приходило раньше мысли.

— Сколько у него людей? — спросил Хальвард.

— Внизу двадцать пять, может, тридцать, — ответил Торлейв. — Ещё могут быть в лесу. Кетиль не покажет всех сразу.

— Значит, он хочет, чтобы мы гадали.

— Или чтобы боялись угадать мало, — сказал Рагни.

Эйрик указал на нижний двор.

— Если ударить ночью по костру у дороги, можно прорвать их линию, вернуть часть скота и показать, что высота не дрожит.

— И потерять людей в темноте, — ответил Рагни.

— А сидеть и ждать, пока Кетиль решит, с какой стороны поджечь частокол, мудрее?

— Сидеть глупо. Бежать глупо. Драться глупо. Хорошая ночь, выбор богатый.

Хрольв упёр копьё древком в землю.

— Если Кетиль поставит людей у северной тропы, мы станем мышами в бочке.

— Поэтому он поставит, — сказал Эйрик. — Если не идиот.

— Он не идиот, — произнёс Хальвард.

Эти слова прозвучали хуже ругательства. Против глупого врага легче быть смелым. Умный враг заставляет платить за каждый быстрый шаг.

Адель подошла ближе.

— Что с заложниками?

Мужчины повернулись к ней. Эйрик нахмурился — не от презрения, скорее от того, что разговор о заложниках мешал ему говорить о военном ударе.

— Живы, — сказал Хальвард. — Пока.

— Среди них муж Гудрид?

— Да.

— Они видели?

— Кетиль для того и поставил.

Адель посмотрела к стене. Гудрид стояла там, где и раньше, но теперь рядом с ней собрались две женщины. Не утешали. Просто стояли, как становятся рядом с человеком, которому нельзя помочь, но нельзя и оставить одного.

— Если ударить ночью, заложников убьют первыми, — сказала Адель.

Эйрик ответил сразу:

— Если не ударить, завтра их используют снова.

— Я не сказала, что надо не ударить. Я сказала, что цена известна.

— На войне цена всегда известна, франкская лекарка.

— Нет. Мужчины часто называют цену потом, когда уже заплачено чужими жизнями.

Эйрик открыл рот, но Хальвард поднял руку.

— Хватит.

Адель посмотрела на него.

— Ты хочешь ударить.

— Да.

Честно. Слишком честно, чтобы с этим можно было спорить как с простой грубостью.

— Почему?

Он повернулся к ней не сразу. Было видно, что ему не нравится этот вопрос при людях. Но ещё больше ему, кажется, не нравилось, что если он откажется отвечать, то сам нарушит ту дорогу, на которую встал.

— Потому что если не ударить, Кетиль решит, что мы боимся.

— Вы боитесь.

Хальвард сжал челюсть.

— Не так.

— Есть правильный страх и неправильный?

— Есть страх, который держит глаза открытыми. И есть страх, который делает тебя чужим скотом.

Слова ударили по людям вокруг. Несколько местных мужчин отвели взгляд. Для них это было не рассуждение, а завтрашнее утро.

— И чтобы не стать скотом, нужно напасть первым? — спросила Адель.

— Иногда да.

— А иногда?

— Иногда, если не ударишь первым, твоих людей режут во сне.

— А если ударишь первым, они становятся твоими людьми? Или всё ещё людьми высоты?

Тишина у ворот стала глубже.

Хальвард смотрел на неё. В его глазах уже поднималась злость. Не на неё одну. На Кетиля, на ночь, на заложников, на старую высоту, на собственное желание земли, на то, что каждый её вопрос попадал туда, где проще было бы действовать.

— Не сейчас, Адель, — сказал он.

Тихо. Опасно.

Она могла бы отступить. Иногда так было разумнее. Но вокруг стояли люди, которым завтра, возможно, придётся платить за решение, названное защитой.

— Именно сейчас.

Рагни, стоявший рядом, чуть наклонил голову. Не вмешался. Хрольв тоже молчал, будто старик хотел услышать, выдержит ли Волк вопрос там, где меч у пояса.

— Если ты ударишь по Кетилю, чтобы не показать страха, это будет не защита, — сказала Адель. — Это будет спор двух волков о том, чьи зубы страшнее. Люди высоты снова окажутся между вами.

Хальвард шагнул ближе.

— Если я не ударю и утром он сожжёт ворота, что ты скажешь об этом людям? Что я красиво спрашивал, пока их резали?

— Я скажу, что ты должен защищать их. Но не называй защиту властью раньше, чем они сами поймут, какую цену готовы платить.

— Цена уже здесь! — Голос Хальварда поднялся, и несколько человек у стены вздрогнули. — Видишь дым? Видишь заложников? Видишь детей у стены? Без силы здесь всех пере-режут. Твоими вопросами не остановить Кетиля.

— А одной силой ты станешь Кетилем быстрее, чем думаешь.

Он замолчал.

Это было сказано слишком прямо. Даже для неё.

Эйрик резко выдохнул. Бьёрн побледнел. Торлейв посмотрел в сторону, будто внезапно заинтересовался частоколом. Хрольв, наоборот, смотрел прямо на Хальварда. Старик не соби-рался спасать Волка от этих слов.

Хальвард заговорил тихо:

— Осторожно.

Адель почувствовала, как больно стало в груди. Не от страха. От того, что она знала: сейчас перед ней не прежний захватчик, не человек с монастырского двора. Перед ней стоял мужчина, который месяцами учился слышать её, отдал серебро за её свободу, спрашивал, ждал, держал руки открытыми. И всё равно в нём жила эта тёмная быстрая сила, которая в минуту опасности хотела закрыть мир собой и назвать это единственным разумным порядком. Она любила его. Именно поэтому не могла отступить.

— Я осторожна, — сказала она. — Поэтому говорю сейчас, пока ты ещё слышишь.

Он отвернулся первым.

Это было почти страшнее крика.

Рагни медленно произнёс:

— Она не говорит: не держи меч. Она говорит: помни, зачем достаёшь.

Хальвард бросил на старика взгляд, но Рагни выдержал. Старые люди хороши тем, что их не так легко заставить дрогнуть собственной яростью.

Хрольв стукнул древком копья по земле.

— Волк. Франкская лекарка права в одном: если ты ударишь ради своей славы, я сам скажу людям высоты, что ты пришёл брать, а не защищать. Но Эйрик прав в другом: если мы только будем ждать, Кетиль поставит нам огонь под стены. Нужно сделать так, чтобы он понял — высота не открыта. Но не дать ему крови заложников.

Хальвард вдохнул медленно.

Адель видела, как он возвращает себя из злости. Не быстро. Не красиво. Но возвращает.

— Что предлагаешь? — спросил он.

Хрольв посмотрел на нижнюю дорогу.

— Увести у них ночь.

— Как?

Ответил Рагни:

— Они ждут, что мы либо ударим по костру, либо будем дрожать у ворот. Значит, надо сделать третье. Северная тропа теперь известна. Овраг тоже. Но есть старый водный спуск к причалу?

Хрольв поморщился.

— Камни, грязь, козья дорога. Люди там не ходят.

— Значит, хорошие люди Кетили тоже не будут смотреть.

Гудрид, всё это время молчавшая у стены, вдруг сказала:

— К причалу можно спуститься за старым рыбным сараем. Там мокро, но пройти можно.

Дети ходили летом, пока Хрольв не велел им не ломать шеи.

— Я велел, потому что один уже сломал руку, — буркнул Хрольв.

— Рука не шея, — ответила Гудрид. — И сейчас нам нужен этот спуск.

Хальвард повернулся к ней.

— Куда он ведёт?

— К нижнему берегу. Если пройти по камням, можно выйти за тем местом, где они держат скот. Не к заложникам. К скоту.

Эйрик понял первым.

— Увести скот ночью?

— Не весь, — сказала Гудрид. — Половину. Шум будет. Они бросятся туда. У ворот останется меньше людей. Тогда можно говорить или вытаскивать заложников.

— Или они убьют заложников от злости, — сказала Адель.

Гудрид посмотрела на неё.

— Могут. Но если мы ничего не сделаем, утром муж всё равно будет в их руках. Я не прошу открыть ворота ради него. Но если есть способ заставить их двигаться, надо пробовать.

Хальвард снова посмотрел вниз.

Теперь его лицо стало другим. Злость не исчезла, но вошла в работу. Адель видела этот переход раньше: когда боль перестаёт быть слепой и превращается в расчёт. Это было лучше. Не безопасно, но лучше.

— Нет, — сказал он наконец. — Скот пока не трогать. Скот заставит их шуметь, но и заложников подтянут ближе к огню. Они ждут, что местные полезут за своим добром. Ульфкелль умён. Он оставил скот как крючок.

Гудрид сжала губы.

— Тогда что?

— Вода, — сказал Хальвард.

Рагни поднял бровь.

— Говори.

— Спуск к причалу. Там лодки?

— Две, — сказал Хрольв. — Малые. Одна течёт.

— Рыбачьи сети?

— Есть.

— Если ночью спустить двоих к причалу, можно уйти водой вдоль берега и зайти к нижней дороге с другой стороны?

Хрольв задумался.

— Можно, если море тихое. Сегодня терпимо. Но кто пойдёт?

— Не нападать, — сказал Хальвард. — Узнать, где держат заложников, сколько людей у костра, есть ли Кетиль. Если можно вытащить мужа Гудрид без крика — вытаскиваем. Если нельзя — возвращаемся.

Эйрик нахмурился.

— Слишком мало.

— Зато не отдаёт им нашу причину, — сказал Хальвард.

Адель поняла: он услышал.

Не полностью, быть может. Не навсегда. Но сейчас услышал.

Гудрид посмотрела на него долго.

— Если мужа нельзя вытащить без крика?

— Не начну бой ради одного человека без твоего слова и слова высоты.

Гудрид моргнула.

Она, кажется, ожидала приказа, утешения, обещания, может быть, красивой мужской клятвы вернуть её мужа любой ценой. Вместо этого Хальвард отдал ей часть решения. И эта часть оказалась тяжёлой.

— Моё слово? — переспросила она.

— Он твой муж. Но за бой заплатят все.

Она медленно кивнула.

— Тогда сначала смотреть.

Хрольв выдохнул.

— Старая высота дожила до дня, когда женщины говорят разумнее мужчин. Плохой знак.

— Хороший, — сказал Рагни. — Может, проживёте ещё ночь.

План разделил людей.

Не явно, не криком, но Адель чувствовала это по лицам. Некоторым хотелось удара. Быстрого, яркого, такого, чтобы внизу испугались. Молодые воины всегда больше верят в страх, который могут причинить, чем в страх, который уже сидит внутри тех, кого они защищают. Другие, особенно местные, смотрели на Хальварда с новой осторожностью. Он не бросился спасать мужа Гудрид любой ценой, и это могло показаться холодностью. Но он и не использовал его как повод для своей славы. Это было труднее понять. Возможно, такие решения всегда сначала выглядят хуже красивой глупости.

К ночному спуску выбрали Рагни, Бьёрна и местного парня по имени Арнвид, который знал камни у причала. Хальвард хотел идти сам, но Хрольв и Рагни почти одновременно сказали «нет», после чего посмотрели друг на друга с отвращением от совпадения.

— Если ты исчезнешь со стены, Кетиль решит, что Волк полез за скотом, — сказал Рагни. — Или за заложником. Или за славой. Он ударит по воротам.

— А если я останусь, но что-то пойдёт плохо?

— Тогда будешь страдать на месте, как все умные люди, которые отправили других делать опасную работу.

Бьёрн пытался выглядеть гордым, но Адель видела, что он волнуется. Перед выходом он подошёл к ней, будто хотел что-то сказать, потом передумал.

— Руку покажи, — сказала она.

— У меня всё хорошо.

— Значит, покажешь быстро.

Он протянул запястье. Под ремнём всё ещё был узелок с нитью, который дала Элоиза. Адель проверила старую ссадину на ладони, уже почти зажившую, и тихо сказала:

— Если начнётся шум, не геройствуй.

— Рагни говорит, что геройствуют только мёртвые и очень молодые.

— Ты очень молодой.

— Вот я и боюсь.

Это было так честно, что Адель на мгновение увидела в нём не воина с ножом, а мальчика, который ещё недавно краснел от одного имени Элоизы.

— Страх держит глаза открытыми, — сказала она.

— Это Хальвард говорил.

— Сегодня все повторяют друг друга. Значит, ночь серьёзная.

Бьёрн кивнул и ушёл к Рагни.

Часы до их возвращения тянулись тяжело.

Хальвард стоял у ворот, не покидая площадки. Адель дважды подходила к больным, меняла воду, проверяла ребёнка с дымным кашлем, успокаивала Сольвейг, которая теперь уже не скрывала боли в животе, но роды всё ещё не начинались. Гудрид сидела у внутренней стены и чинила порванный ремень от ведра. Это занятие казалось бессмысленным, пока Адель не поняла: руки женщины должны делать хоть что-то, иначе она бросится к воротам. Хрольв ходил вдоль частокола, проверяя дозорных и время от времени ругая мальчишку с копьём за то, что тот держит оружие так, будто собирается просить у врага разрешения ударить.

Снизу доносились голоса людей Кетиля. Один раз они вывели заложника ближе к огню. Гудрид не поднялась. Только ремень в её руках натянулся так, что чуть не лопнул.

Адель вышла на площадку к Хальварду уже после полуночи.

Он стоял неподвижно. Внизу огни плыли в темноте, как глаза зверей.

— Ты злишься на меня? — спросила она.

— Да.

Ответ не удивил. Но всё равно кольнул.

— За то, что сказала?

— За то, что сказала при людях.

— Нужно было шептать, чтобы люди не знали, что ты можешь ошибиться?

Он повернул голову.

— Ты хорошо бьёшь.

— Я не хотела бить.

— Хотела остановить. Иногда это одно.

Она приняла.

— Да.

Некоторое время они молчали.

— Я тоже злюсь, — сказала Адель.

— За что?

— За то, что понимаю тебя. Это мешает быть правой легко.

Хальвард посмотрел на неё внимательнее.

— Понимаешь?

— Ты видишь людей у стены и хочешь сделать так, чтобы никто больше не смог их пугать.

Это не зло. Но твоя рука знает только один быстрый способ: стать тем, кого боятся сильнее. И вот здесь начинается опасность.

Он снова посмотрел вниз.

— Если они не будут бояться меня, они будут бояться Кетиля.

— Может быть. Но если они будут бояться только тебя, чем ты лучше?

— Я не буду жечь их дворы.

— Сначала.

Он резко повернулся.

— Адель.

— Что? Ты сам просил говорить, если начнёшь брать. Я говорю до того, как начнёшь.

— Ты думаешь, я хочу жечь дворы?

— Нет. Я думаю, однажды ты можешь решить, что один сожжённый двор спасёт десять.

И, может быть, будешь прав. Вот этого я и боюсь.

Хальвард долго молчал.

— Ты хочешь человека, который никогда не будет жестоким, — сказал он наконец. — Такого здесь съедят.

— Нет. Я хочу человека, который не станет называть жестокость добром только потому, что она была нужна.

Эти слова он не отверг. Она увидела, как он оставляет их внутри, хотя они причиняют боль.

— Трудная жена, — сказал Хальвард тихо.

Адель подняла брови.

— Жена?

Он замер.

Слово сорвалось само, без совета, без отца Ансельма, без Ингрид, без будущего обряда, который они ещё не решили. На миг между ними стало теплее и опаснее, чем у любого огня.

— Трудная женщина, — поправился он.

— Поздно.

— Я не хотел взять слово раньше тебя.

— Я знаю.

И это было правдой. Теперь она знала.

Она сама коснулась его руки. На площадке, где их могли увидеть, это было почти вызовом, но не прятаться же вечно от каждого собственного движения.

— Если однажды это слово станет правдой, — сказала она тихо, — оно тоже не должно быть властью.

— Не будет.

— Не обещай быстро.

— Постараюсь.

— Лучше.

Снизу вдруг поднялся шум.

Они оба отпрянули от личного мгновения к общей опасности так резко, будто кто-то ударил в щит. У нижнего костра люди Кетиля вскочили, несколько факелов метнулись в сторону причала. Послышался крик. Потом ещё один. На частоколе дозорный прошипел:

— Движение у воды!

Хальвард схватил щит.

— Ворота не открывать! — приказал он. — Никому не стрелять без моего слова!

Эйрик уже был рядом с людьми у стены. Хрольв бежал вдоль частокола быстрее, чем положено старику. Гудрид поднялась. Внизу факелы двинулись к берегу, потом часть людей метнулась обратно, к заложникам. Кто-то кричал имя Ульфкелля. Кто-то ругался. Ночь, ещё мгновение назад туго натянутая, начала рваться.

Адель стояла у внутренней лестницы на площадку и почти не дышала.

Прошло несколько мучительных мгновений, прежде чем у северного прохода появился Арнвид. Он ввалился внутрь через узкую щель между камнями, мокрый до пояса, с рассечённой щекой.

— Рагни? — спросил Хальвард.

— Идёт. Бьёрн с ним. Муж Гудрид... — Арнвид вдохнул, согнувшись, — жив. Но не здесь.

Гудрид шагнула вперёд.

— Где?

— В лодке. Ниже камней. Рагни сказал — тихо не вышло, но громко ещё не всё.

Хальвард отдал приказ быстро. Двоих к северному спуску. Ещё троих к внутренней стене. Ворота держать. Лучникам приготовиться, но не стрелять. Адель уже бежала к узкому проходу вместе с Гудрид. Хальвард поймал её взгляд, хотел что-то сказать и не сказал. Только кивнул. Она кивнула в ответ.

У северного прохода было темно, мокро и скользко.

Первым поднялся Рагни. Его левый рукав был разорван, по щеке текла кровь, но лицо старика сияло той мрачной радостью, которая бывает у людей, вернувшихся из удачной глупости. За ним двое местных тащили мужчину: связанного, избитого, почти без сознания. Гудрид издала звук, который был не криком и не вздохом, и бросилась к нему. Адель опустилась рядом, сразу проверяя дыхание, кровь, голову, рёбра. Жив. Плохо, но жив.

Бьёрн поднялся последним.

Он был бледный, мокрый и держал у плеча чужой плащ, в который, судя по всему, завернули что-то тяжёлое.

— Что это? — спросил Хальвард.

Рагни ответил вместо него:

— Подарок.

Плащ развернули.

На мокрую землю выпал красный кусок ткани — тот самый знак людей Кетиля, снятый с нижней дороги.

Хрольв хрипло рассмеялся.

— Ты украл их тряпку?

Рагни пожал плечами.

— Скот не трогали. Заложника взяли. Тряпка сама просилась.

Бьёрн вдруг сказал:

— Там был ещё один. Не успели. Они подняли шум.

Гудрид, стоявшая над мужем, закрыла глаза. Она поняла: спасли её мужа, но не всех. Цена опять не исчезла, только изменила лицо.

Внизу ярость людей Кетиля стала слышна громче. Факелы снова двигались к дороге. Ульфкелль кричал так, что слова долетали до высоты, но смысл тонул в ночи. Через несколько мгновений у нижней дороги затрубил рог. Не один короткий зов, как раньше, а длинный, злой, требовательный.

— Теперь он точно придёт, — сказал Эйрик.

Хальвард смотрел на снятый красный знак у своих ног.

— Нет, — произнёс он. — Теперь придёт Кетиль.

И будто в ответ у нижнего костра расступились люди.

Из темноты вышел высокий всадник в тёмном плаще. Он не подъехал близко. Остановился так, чтобы его видели при свете факелов. Даже с высоты Адель заметила уверенность его осанки: человек, привыкший, что дорога перед ним освобождается раньше, чем он скажет.

— Хальвард Ульв! — крикнул он.

Голос был молодым, сильным, насмешливым.

Хальвард вышел на площадку над воротами.

— Кетиль Хаконссон, — сказал он.

Всадник поднял руку, и рядом с ним вынесли второго заложника. Тот был жив, но держался едва. Кетиль даже не посмотрел на него.

— Ты вошёл на землю моего отца, спрятался за чужим частоколом и ворует моих пленников, — крикнул он. — Уходи до рассвета, Волк. Забирай свою франкскую женщину, старого ворона и тех, кто ещё хочет вернуться домой на ногах. Эта высота не твоя. Эти дворы не твои. Эти люди не твои.

На последних словах он рассмеялся.

— Или ты теперь берёшь только то, что тебе разрешат женщины?

Никто на высоте не сказал ни слова.

Адель стояла внизу, рядом с раненым мужем Гудрид, и чувствовала, как весь частокол, вся ночь, все люди ждут, что ответит Хальвард.

Он долго молчал.

Потом произнёс так громко, что слышали и внизу, и внутри стен:

— Ты прав в одном, Кетиль. Эти люди не мои.

Кетиль замер.

Хальвард положил руку на верх частокола.

— Поэтому я спрошу их, хотят ли они, чтобы ты вошёл.

Внизу смех оборвался.

Глава 4. Сын ярла

Кетиль Хаконссон умел ждать так, будто ожидание само принадлежало ему.

Он не бросился к воротам после слов Хальварда. Не закричал сразу. Не приказал ударить заложника, хотя один только взмах его руки мог превратить ночь в кровь. Он сидел на коне у нижней дороги, освещённый факелами, и смотрел вверх на частокол с тем холодным интересом, с каким опытный охотник смотрит на зверя, впервые заметившего ловушку. Его люди тоже молчали. Даже Ульфкелль, ещё недавно охотно швырявший насмешки к стенам, теперь стоял чуть позади, не перебивая. Это многое говорило о сыне ярла. Ульфкелль любил говорить, пока другие берут, но при Кетиле слова, видимо, тоже получали хозяина.

Адель стояла внизу, у раненого мужа Гудрид, и впервые видела человека, чьё имя за последние дни стало угрозой.

Кетиль был моложе, чем она ожидала. Не юн, но и не зрел, как Хальвард или Рагни. В нём ещё оставалась гибкая, опасная лёгкость мужчины, который не успел устать от собственной жестокости. Высокий, узкий в талии, широкоплечий, с гладко заплетёнными светлыми волосами и короткой бородой, он не выглядел бешеным. Это было хуже. На нём не было грубой ярости Торстейна, пьяной жадности мародёров у мельницы или тяжёлого прямого желания Эйрика. Кетиль выглядел почти весёлым. Его лицо при свете факелов было открытым, красивым, с резкими скулами и глазами, которые улыбались раньше рта, но улыбка эта не грела. Он казался человеком, для которого чужой страх — не препятствие, а язык разговора.

Хальвард стоял на площадке над воротами, положив руку на верх частокола. Он только что сказал то, чего от него никто не ждал: «Эти люди не мои. Поэтому я спрошу их, хотят ли они, чтобы ты вошёл». Внутри высоты слова ещё стояли в воздухе. Местные переглядывались, не зная, радоваться ли, что Волк не назвал их своими, или бояться, что теперь ответственность за ответ упадёт на них самих. Рагни стоял рядом, мрачный и довольный одновременно. Хрольв держал копье у плеча. Эйрик смотрел вниз, прикидывая, сколько шагов от костра Кетилия до укрытия, сколько стрел успеют выпустить сверху, сколько людей можно потерять до того, как ворота начнут гореть.

Адель слышала сиплое дыхание мужа Гудрид под своими руками. Его звали Орм. Он был избит, но жив, и это пока было единственным бесспорным успехом ночи. Гудрид сидела рядом, держа его голову на коленях, и не смотрела вниз на второго заложника у дороги. Возможно, не могла. Возможно, не хотела дать Кетилию увидеть её страх.

Кетиль наконец рассмеялся.

Не громко. Не грубо. Так, словно Хальвард сказал что-то забавное за пиршественным столом, а не стоял на стене чужой высоты между людьми и возможной резнёй.

— Спрошу их, — повторил он, растягивая слова. — Слышали? Волк теперь спрашивает овец, какого пастуха они хотят.

Его люди засмеялись. Не все искренне. Но достаточно громко.

Хальвард не ответил сразу.

Кетиль поднял руку, и смех оборвался почти мгновенно. Он даже не обернулся к своим. Ему не нужно было проверять, послушались ли.

— Ты изменился, Хальвард Ульв, — крикнул он. — Говорят, после Парижа ты вернулся с серебром, славой и франкской женщиной. Серебро отдал. Славу размочил в женских речах. Женщину оставил. Значит, слухи были правдивы не во всём. Что-то ты всё-таки сумел удержаться.

Адель почувствовала, как вокруг неё напряглись люди. Удар пришёл не неожиданно, но точно. Он не был направлен только в неё. Кетиль сразу понял: если Хальвард сорвётся из-за

оскорбления женщины, значит, она его слабость. Если промолчит, можно будет сказать, что Волк стерпел позор. Если начнёт оправдываться — станет говорить на поле Кетиля.

Хальвард молчал.

Адель подняла голову на площадку. Она не видела его лица полностью, только линию плеч и профиль в свете факела. Он стоял неподвижно, но она знала, чего это стоит. Когда-то он легко бил Торстейна за одну попытку присвоить её. Теперь ему нужно было вынести чужие слова при людях, потому что высота, заложники и страх местных были важнее его желания защитить её имя ударом.

Кетиль чуть наклонился в седле.

— Тебя правда теперь учат женщины? — спросил он. — Или только одна? Та, что с крестом? Я слышал, она не ведьма, но делает то, что ведьмы делают лучше всего: вытаскивает из мужчины его прежнюю душу и вкладывает другую, мягче. Ты ведь раньше не спрашивал, Волк. Ты брал.

— Раньше я брал много глупого, — ответил Хальвард.

Рагни коротко взглянул на него. Адель тоже.

Кетиль усмехнулся.

— Это она тебя научила так говорить? Франкская святая? Или франкская наложница?

Внутри частокола кто-то резко вдохнул. Бьёрн ругнулся сквозь зубы. Эйрик положил руку ему на плечо раньше Рагни, и это само по себе показало, что даже Эйрик понимает опасность.

Адель медленно поднялась от Орма. Гудрид схватила её за запястье.

— Не надо, — прошептала женщина.

Адель посмотрела на неё.

— Я не пойду к воротам.

— Он хочет, чтобы ты пошла.

Да. Конечно, хочет.

Кетиль не просто оскорблял. Он расставлял места: Хальварду — роль мужчины, которого можно заставить беситься; Адель — роль женщины, чьё имя бросают как грязь; местным — роль зрителей, которые должны увидеть, что новая сила ничуть не отличается от старой, только теперь слушает чужеземку.

Адель высвободила руку мягко.

— Я знаю.

Она не пошла к воротам. Она подошла к бочке с водой, вымыла руки от крови Орма, взяла чистую ткань и вернулась к раненому, будто голос Кетиля не мог оторвать её от дела. Это было трудно. Гораздо труднее, чем ответить. Но она понимала: иногда достоинство не в красивой фразе, а в том, чтобы не позволить врагу назначить тебе сцену.

Хальвард видел.

Кетиль тоже.

— Не отвечает, — сказал Кетиль, будто рассуждал вслух. — Значит, хорошо выучила. Или, может быть, ты уже не Волк? Может, надо звать тебя псом у христианского очага?

Хрольв вдруг заговорил раньше Хальварда.

— Кетиль Хаконссон! Если ты приехал говорить о земле, говори о земле. Если о женщинах — спустись в нижний двор, там Гудрид найдёт тебе ведро и объяснит, как мужчины выглядят, когда много лают.

Внутри высоты кто-то не выдержал и хрипло рассмеялся. Даже несколько людей у костров Кетиля переглянулись.

Гудрид, не отрываясь от мужа, сказала тихо:

— Хороший старик. Иногда.

Кетиль перевёл взгляд на Хрольва.

— Старый козёл всё ещё бодается.

— А молодой всё ещё думает, что рога выросли только у него.

— Я могу снести твой частокол до рассвета.

— Можешь попробовать. Только потом узнаешь, сколько заноз входит в задницу человеку, который слишком спешит сесть на чужую лавку.

Рагни закрыл глаза с выражением почти религиозного удовольствия.

— Я скучал по Хрольву, — сказал он негромко.

Хальвард, однако, не улыбнулся. Он понимал: старик выиграл мгновение, но не разговор. Кетиль тоже понимал. Он дал смеху родиться и умереть, затем поднял руку.

К нижней дороге вывели второго заложника.

Это был мужчина лет тридцати, с разбитым лицом и связанными руками. Он держался на ногах, но двое воинов стояли по бокам так близко, что было ясно: сам бы не устоял. Гудрид, увидев его, сжала плечо Орма. Это был не её муж. Кто-то другой. Возможно, один из людей Хрольва. Возможно, сын женщины, которая сейчас стояла у стены и не смела дышать.

— Земля Хакона перешла к его крови, — сказал Кетиль. — Эймунд прячет живот в большом доме и считает чужие мешки. Я пришёл первым. Я держу дорогу, скот и людей, которых вы не сумели защитить. Я могу взять высоту силой. Но даю вам выбор, потому что сын ярла не должен сразу жечь то, что может служить ему живым.

— Какой выбор? — спросил Хальвард.

— Открыть ворота. Отдать оружие. Признать мою руку. Пять молодых мужчин пойдут со мной до конца спора с Эймундом. Зерно будет посчитано. Скот вернётся частично, если никто не окажется глупым. Хрольв останется стариком у стены, если перестанет быть стеной. Женщины сохраняют дома. Дети сохраняют матерей. И твой Волк, если умнее, чем кажется сейчас, уйдёт туда, откуда пришёл.

— А если нет? — спросил Хальвард.

Кетиль улыбнулся.

— Тогда утром у вас станет меньше ворот.

— И меньше заложников? — спросил Хрольв.

Кетиль посмотрел на связанного мужчину.

— Умный старик сам считает.

Внутри высоты кто-то всхлипнул. Женщина, стоявшая у скамьи рядом с Сольвейг, закрыла рот ладонью. Адель поняла: заложник её родня. Может быть, брат. Может быть, сын. Вот как Кетиль говорил с землёй: не только угрозой общему дому, но и точным ножом к каждому отдельному сердцу.

Хальвард спросил:

— Почему ты не ждёшь погребения отца?

Снизу стало тише.

Кетиль чуть склонил голову.

— Потому что мёртвым всё равно, кто держит дверь.

— Твоему отцу тоже?

На лице Кетили впервые мелькнуло что-то резкое. Не боль. Скорее раздражение от того, что Хальвард нашёл место, где насмешка ещё не успела стать бронёй.

— Мой отец знал цену двери. Поэтому держал людей, которые умели закрывать её перед врагом, а не спрашивали женщин, удобно ли им жить за стеной.

— Твой отец держал эту высоту слабо, — сказал Хальвард. — Иначе ты не стоял бы сейчас под её воротами, угрожая его людям его именем.

Удар попал.

Люди Кетили зашевелились. Ульфкелль напрягся. Кетиль улыбнулся снова, но уже не сразу.

— Его людям? — переспросил он. — Слышали? Ты сам сказал: его людям. Не твоим. Так уходи.

Хальвард положил обе руки на частокол.

— Я уйду, если люди высоты скажут: уйди.

Внутри снова пошёл шорох. Кетиль поднял лицо к стенам, и его улыбка стала почти ласковой.

— Люди высоты, — сказал он громко. — Скажите. Вы хотите, чтобы Волк ушёл? Или хотите, чтобы из-за чужого воина и его франкской ведьмы ваши дома горели дольше?

Вот оно.

Адель почувствовала, как слово ударило по внутреннему двору.

Ведьма.

Не просто наложница, не просто чужеземка. Ведьма. Женщина с чужим Богом, с травами, с руками, которые спасают и потому вызывают подозрение, с влиянием на мужчину, который отдал серебро и теперь задаёт опасные вопросы. Для людей, которые видели, как она лечит их детей, это слово не было полностью убедительным. Но в страхе не нужна полная вера. Достаточно сомнения.

Мать обожжённого мальчика посмотрела на Адель. Не с ненавистью. С ужасом от того, что её собственная надежда теперь стала предметом обвинения. Если эта женщина помогает, почему враг называет её ведьмой? Если она ведьма, почему ребёнку стало легче? Если она не ведьма, почему из-за неё смеются над Волком? Страх любит такие узлы.

Адель поднялась.

На этот раз Гудрид не удержала её. Только сказала:

— Осторожно.

Адель подошла не к воротам, а к лестнице на площадку. Хальвард повернул голову. В его лице вспыхнуло мгновенное «нет» — не приказ, а страх. Она остановилась на нижней ступени.

— Можно? — спросила она тихо.

Он понял: не разрешения выйти как вещь под его рукой она спрашивает. Она спрашивает, выдержит ли он её голос рядом со своим, не превратив его в свою защиту или слабость.

Хальвард отступил на полшага.

— Да.

Адель поднялась на площадку.

Её увидели не сразу все, но Кетиль увидел мгновенно. Его лицо стало ещё живее. Он ждал этого. Возможно, даже добивался. Женщина у стены, чужая, с крестом, с покрывалом, не совсем жена, не совсем монахиня, не совсем северянка, — прекрасная мишень для слов.

Адель встала рядом с Хальвардом, но не вплотную. Так, чтобы расстояние между ними было видно. Не за его плечом. Не в его руке. Рядом.

— Я не ведьма, Кетиль Хаконссон, — сказала она по-северному медленно, с тяжёлым франкским ударением. — Если бы была, начала бы с того, чтобы заткнуть тебе рот. Всем стало бы легче.

Рагни издал звук, похожий на кашель и смех одновременно. Внутри высоты несколько женщин тихо засмеялись раньше мужчин. Это было хорошо. Смех, если он принадлежит напуганным людям, на мгновение возвращает им дыхание.

Кетиль смотрел на неё с явным удовольствием.

— Франкская женщина говорит на нашем языке.

— Достаточно, чтобы понимать плохие оскорбления.

— Значит, понимаешь, что тебе лучше спуститься. Может быть, я найду за тебя серебро. Говорят, Волк растратил почти всё.

— Он отдал серебро, чтобы я не была добычей.

— А стала чем?

Адель ожидала вопроса.

Но от этого он не стал легче.

Кетиль продолжил, повышая голос, чтобы слышали не только на площадке:

— Жена? Нет. Христианские старцы не благословили, северные люди не пили на пиру. Рабыня? Нет, Волк за это дерётся со своими. Монахиня? Смешно. Лекарка? Да, пока руки полезны. Так кто ты, франкская женщина? Или ты сама не знаешь, какое имя тебе выгоднее у чужого огня?

Это был хороший удар.

Слишком хороший.

Адель почувствовала, как горячая волна стыда поднимается от груди к горлу. Он говорил грязно, но не пусто. Её положение действительно было незавершённым. Она была свободна, но не принадлежала прежнему миру. Любима, но не названа женой. Христианка, но живущая рядом с язычником. Бывшая монахиня, не нашедшая ещё ответа на обет. Лекарка, но в глазах некоторых — причина безумия Хальварда. Всё, что внутри неё было трудным, Кетиль вынес наружу и повернул лезвием к людям.

Хальвард сделал едва заметное движение.

Она сказала тихо:

— Нет.

Он остановился.

Адель подняла голову.

— Я — Адель, — сказала она громче. — Христианка. Лекарка. Свободная женщина. Остальное я не обязана объяснять человеку, который держит связанных мужчин у костра и называет это правом крови.

Кетиль улыбнулся.

— Свободная женщина под защитой Волка.

— Да.

— Значит, всё-таки под.

— Рядом, — сказала Адель. — Ты плохо слышишь, когда слово не похоже на приказ.

Сверху кто-то вдохнул. Снизу раздалась смешки, но уже неровные.

Кетиль наклонился в седле.

— Рядом? Тогда скажи, Адель-христианка-лекарка-свободная-женщина, зачем ты стоишь на стене с мужчиной, который пришёл на чужую землю с мечом? Ты учишь его спрашивать? Хорошо. Пусть спросит. Люди высоты, хотите ли вы умереть за франкскую ведьму, которая шепчет Волку, что власть можно брать чистыми руками?

Адель почувствовала, как Хальвард напрягся рядом.

Это было уже не только оскорбление. Кетиль связывал её имя с возможной гибелью людей. Если завтра прольётся кровь, он заранее давал им виновную: не его угрозы, не спор сыновей Хакона, не слабость Эймунда, а чужую женщину, из-за которой Волк мешает «законному» наследнику.

Хрольв ответил прежде, чем страх успел прижиться.

— Мы не собираемся умирать за ведьму, Кетиль! Мы вообще не собираемся умирать, если ты не будешь слишком настаивать!

Снова смех. Более громкий. Нервный, но живой.

Кетиль перевёл взгляд на старика.

— Ты умрёшь первым, Хрольв.

— В моём возрасте это уже не угроза, а порядок очереди.

Рагни тихо сказал:

— Я точно скучал.

Хальвард поднял руку, и внутри высоты стихли.

— Кетиль Хаконссон, — сказал он. — Ты говоришь о праве отца. Но стоишь у ворот с заложниками, пока отец ещё не погребён. Ты говоришь о защите. Но начал с хлева и скота. Ты говоришь, что эти люди не мои. Здесь ты прав. Они не мои. Но они и не твои, пока сами не признают твою руку.

Кетиль больше не смеялся.

— Ты хочешь тинга посреди осады?

— Я хочу утра, — сказал Хальвард. — Дай людям высоты ночь. Утром Хрольв соберёт их у ворот. Ты скажешь своё. Я скажу своё. Они ответят.

— А если я не дам?

— Тогда всем будет ясно, что ты боялся их ответа больше моего меча.

Кетиль смотрел на него долго.

Внизу его люди молчали. Для них это тоже был вызов. Не к поединку, где всё просто, а к публичному слову. Отказаться от него можно, но отказ будет иметь запах слабости. Сын ярла, пришедший требовать признания, не должен бояться голосов тех, кого собирается признать своими. Хальвард поставил его в неудобное место, и Адель увидела, что Кетиль это оценил. Почти с удовольствием. Он любил достойную игру.

— Ты стал хитрее, Волк, — сказал он наконец.

— Я стал старше.

— Нет. Старость тут ни при чём. Это она.

Он снова посмотрел на Адель.

— Франкская ведьма. Христианская наложница. Женщина, из-за которой Волк потерял серебро и теперь ищет слова вместо добычи. Хорошо. Пусть будет утро. Я люблю смотреть, как люди выбирают между страхом сейчас и страхом потом.

Он дёрнул повод.

Но перед тем как отвернуться, поднял руку. Связанного заложника у дороги ударили под колени, заставив упасть.

— Он будет жив до утра, — сказал Кетиль. — Если ночью никто не станет красть то, что принадлежит мне.

— Он не принадлежит тебе, — сказала Адель.

Кетиль улыбнулся ей.

— До утра всё кому-нибудь принадлежит.

После этих слов он развернул коня.

Его люди начали отходить от нижней дороги не полностью, но дальше от ворот. Факелы переместились к кострам. Ульфкелль остался на месте, бросив последний взгляд на высоту. Заложника подняли и увели обратно. Утро было куплено. Не мир. Не победа. Только несколько часов, за которые страх успеет обойти каждый дом внутри частокола и спросить людей, чего они хотят на самом деле.

Адель спустилась с площадки.

Колени у неё дрожали, и она была благодарна темноте за то, что не все видят. Хальвард спустился следом, но не коснулся её сразу. Только когда они отошли к сторожевому дому, где их не слышали все, он тихо сказал:

— Ты не должна была подниматься.

Она повернулась к нему.

— Это предупреждение после того, как всё уже случилось?

— Это страх после того, как всё уже случилось.

— Тогда принимаю.

Он выдохнул коротко, почти сердито.

— Он будет бить по тебе.

— Да.

— Через тебя — по мне.

— Да.

— Через меня — по ним.

Она посмотрела на двор. На людей высоты, которые уже шептались, собирались в маленькие группы, искали взглядом Хрольва, Хальварда, Гудрид, друг друга. Кетиль ушёл к кострам, но оставил свои слова внутри стен. Ведьма. Наложница. Серебро. Слабость. Выбор. Утро.

— Значит, нужно не дать ему выбрать, кем я буду в этой истории, — сказала Адель.

Хальвард молчал.

— И кем будешь ты, — добавила она.

Он кивнул.

К ним подошёл Хрольв, усталый, но с живыми глазами.

— Утром люди будут говорить, — сказал старик. — Не все смело. Не все честно. Но будут.

— Собери всех, кто имеет дом на высоте, — сказал Хальвард. — Мужчин и женщин.

Хрольв прищурился.

— Женщин тоже?

— Они знают, что горит, когда мужчины спорят о земле.

Старик посмотрел на Адель.

— Твои слова?

— Его, — сказала Адель. — Но, возможно, выросли рядом с моими.

— Опасная грядка.

— Плодородная, — ответила она.

Хрольв хмыкнул и ушёл.

Остаток ночи стал подготовкой к слову, что было почти труднее подготовки к бою.

Хальвард и Рагни проверяли ворота, расставляли людей, считали стрелы. Эйрик не спорил, но на лице его было ясно: если утро сорвётся, он предпочтёт меч словам. Гудрид сидела рядом с мужем, который пришёл в себя и пытался понять, почему жив. Когда ему сказали, что утром люди высоты будут выбирать, кого впустить, он хрипло произнёс, что если кто-то впустит Кетилия, он лично встанет с постели и будет умирать второй раз, чтобы этим людям стало стыдно. Гудрид ответила, что сначала он попробует встать до нужника без падения, а потом уже будет распоряжаться своей смертью.

Адель снова и снова возвращалась к больным. Мальчик с ожогами просыпался и плакал; она сидела рядом, пока он не уставал. Ребёнок с дымом дышал лучше. Сольвейг всё ещё мучили ложные схватки, но роды не начинались. Старик с проломленной головой, которого принесли позднее, бредил и называл имя какого-то сына. Адель работала до тех пор, пока руки не начали путать ткань и травы. Тогда Гудрид, ни о чём не спрашивая, сунула ей в руки чашу горячей воды.

— Пей, ведьма, — сказала она.

Адель подняла глаза.

Гудрид смотрела спокойно, но угол её рта дрогнул.

— Если уж Кетиль дал тебе имя, надо использовать, пока свежее. Ведьм люди боятся. Лекарок зовут слишком часто.

Адель неожиданно рассмеялась. Тихо, устало. Гудрид тоже.

Этот смех услышала мать обожжённого мальчика. Потом другая женщина. И что-то в воздухе изменилось едва заметно. Слово Кетилия не исчезло. Но его начали трогать чужие руки, менять, обжигать у очага, превращать в нечто менее послушное ему. Это было малое дело. Но Адель давно знала: иногда болезнь отступает не потому, что её сразу победили, а потому, что тело перестаёт ей помогать.

Перед рассветом Хальвард нашёл Адель у внутренней стены.

Она сидела на низком бревне, закрыв глаза, но не спала. Крест лежал поверх тёмной шерсти. Волосы выбились из-под покрывала. На руках засохли следы травяного сока и чужой крови, сколько ни мой.

— Ты устала, — сказал он.

— Да.

Он сел рядом, оставив между ними немного места. Не потому, что хотел отдалиться. Потому что вокруг были люди, а ей сегодня и так пришлось стать слишком заметной.

— Я хотел ударить его, — сказал Хальвард.

— Знаю.

— Когда он сказал...

— Знаю.

— Не только за тебя.

— Знаю.

Он посмотрел на неё.

— Ты всё знаешь?

— Нет. Но кое-что уже вижу раньше, чем ты успеваешь спрятать.

Он почти усмехнулся.

— Это плохо для мужа.

— Мы ещё не решили это слово.

— Для трудной женщины.

— Лучше.

Они помолчали.

— Утром он снова скажет, — произнёс Хальвард. — О тебе. Обо мне. О серебре. О том, что я слаб.

— И ты снова не ударишь его за слова.

— Если смогу.

— Сможешь.

— Ты веришь?

Адель подумала.

— Я видела, как ты не взял то, что мог взять. Не один раз. Значит, можешь. Но это не значит, что будет легко.

— Хорошо, что ты не священник. Утешаешь плохо.

— Отец Ансельм тоже не всегда утешает.

— Он хотя бы старый.

— Старым прощают больше?

— Нет. Они просто дольше говорят, и люди устают спорить.

Адель улыбнулась.

Потом улыбка исчезла, когда над нижней дорогой начало светлеть. Небо за частоколом стало не чёрным, а серым. Факелы Кетиля побледнели, но не погасли. Люди внутри высоты начали подниматься. Утро, купленное словами и ночной вылазкой, пришло слишком быстро.

Хрольв велел бить по щиту вместо колокола.

Глухой звук прошёл по двору. Один удар. Второй. Третий. Люди собирались у ворот: мужчины, женщины, старики, подростки, даже те, кто должен был лежать, пытались сесть, чтобы слышать. Сольвейг осталась внутри, но послала свою сестру слушать за неё. Мать обо-жжённого мальчика встала у стены, держа сына за плечо. Гудрид стояла впереди, рядом с Хрольвом. Орм лежал у входа в сторожевой дом, бледный, но живой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.